

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.055.4(09)

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
аграрный университет
им. П. А. Столыпина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ОТ ПРОГРАММНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ К ПРАКТИКЕ БОЛЬШЕВИЗМА. КОНЕЦ XIX—ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА

Представленный в статье анализ программных положений левых политических партий по национальному вопросу позволяет сделать вывод о том, что многовариативность подходов в конечном итоге позволила большевикам сохранить территориальную целостность страны после революции и Гражданской войны

Ключевые слова: национально-государственное строительство; местное самоуправление и автономия; Якутский союз; эсеры, партия польских социалистов, Дашнакцутюн.

Одной из причин трех русских революций и Гражданской войны стали проблемы национальных отношений в различных регионах Российского государства. При этом деятельность общероссийских политических партий, национальных организаций и движений тесно переплеталась и объективно расширяла устои государственности. В то же время многовариативность подходов, имевших место в теоретических изысканиях левых политических

партий дореволюционной России по национальному вопросу не только порождало самый широкий спектр ожиданий, но и давало огромное количество наработок для национально-государственного строительства после победы левых в Гражданской войне.

Некоторым аспектам указанного вопроса посвящена представленная статья. Основой для ее написания стал анализ программных положений и высказываний лидеров левого политического спектра

российских и национальных организаций, как-то: РСДРП, ПСР ППС, СДПКПиЛ, Дашнакцутюна. Их взаимодействие и борьба, относящаяся ко времени Первой русской революции, и практическая деятельность большевиков в первое десятилетие существования РСФСР и СССР.

Наиболее разнопланово национальный вопрос в конце XIX — начале XX в. был представлен у социал-демократов. Уже на I съезде РСДРП (1898 г.) была принята резолюция по вопросу отношения к Партии польских социалистов (ППС). Резолюция РСДРП четко указывала, что «партия через свой центральный комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципы ее программы и приемы ее тактики. Партия признает за каждой нацией право на самоопределение». Право на самоопределение отстаивали Г. Плеханов и Ю. Мартов. Однако Г. Плеханов, говоря о праве на самоопределение «за всеми нациями, входящими в состав государства», предлагал сформулировать тезис о праве на самоопределение в редакции «входившими в состав империи», иначе, по его мнению, право на самоопределение будет также относиться и к нациям, входящим в будущую республику. Он ставил перед участниками съезда вопрос: «...а если нации не захотят входить в состав государства?». И тут же сетовал: «...назвался груздем — полезай в кузов». Однако основоположник марксизма в России искренне надеялся, что российское многонациональное государство не распадется в результате революции [1].

Лидеры польских социал-демократов Р. Люксембург и Й. Мархлевский, выступая в марте 1894 г. на I съезде будущей СДПКПиЛ (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы) заняли несколько иную позицию. Признавая необходимость и возможность борьбы с национальным угнетением как всякой другой формой гнета, они одновременно заявили, что требования восстановления Польской государственности являлось бы «отказом от успешной политической борьбы и отдалением осуществления как конечных, так и ближайших задач пролетариата». А II съезд СДПКПиЛ, состоявшийся в конце 1901 г., в присутствии в его рабочих органах Ф. Дзержинского и М. Козловского констатировал, что «социалистический переворот уже сам по себе устраняет угнетение, а следовательно, и всякую национальную зависимость». Лидеры СДПКПиЛ, одновременно являющиеся членами РСДРП, считали, что «национальная зависимость является лишь одной из форм капиталистической эксплуатации», а следовательно, после социалистического переворота она исчезнет сама по себе. Здесь же констатировалось, что национальный вопрос будет разрешен не посредством создания национальных государств, а посредством свободного объединения народов на основе автономии каждого из них [1, с. 154, 158].

Члены партии эсеров рассматривали национальный вопрос через призму местного самоуправления и автономии. Партийные документы дают видение решения указанного вопроса в следующем ракурсе:

— местное самоуправление должно быть распространено на всю Российскую империю;

— представительство в органах местного самоуправления, приближенное к населению путем учреждения мелких самоуправляющихся единиц, должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, без различия пола, причем собрание высших самоуправляющихся со-

юзов могут быть образованы путем избрания низших таких же союзов. Губернским земствам должно быть предоставлено право вступать в союзы;

— круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благополучия и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти с предоставлением, в пользу органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет;

— деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям;

— после установления права гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всей империи должен быть открыт правомерный путь в порядке Имперского Законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соотвествуя потребности в этом местного населения;

— немедленно по установлению общеимперского демократического представительства с конституционными правами в Царстве Польском вводится автономное устройство с сеймом на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования при условии сохранения государственного единства и участия в центральном представительстве на одинаковых с прочими частями империи основаниях. Границы с Царством Польским и соседними губерниями могут быть определены в соответствии с племенным составом и желаниями местного населения, причем в Царстве Польском должна действовать общеимперская гарантия гражданской свободы и права национальности на культурное самоопределение и должно быть обеспечено право меньшинства.

Отдельно в документе упомянута Финляндия. Ее Конституция должна была обеспечить ее особое положение с учетом дальнейших мероприятий по согласованию будущих отношений между законодательными органами империи и Великого Княжества Финляндского [2].

Опираясь на указанное видение национального вопроса и путей его разрешения, ведущие революционные партии Российской Империи вели работу среди национальной части ее населения.

Комитет РСДРП в Казани устраивал кружки непосредственно для татарского населения, с агитацией на «татарском наречии», переводом на татарский партийных листовок накануне выборов в III Государственную Думу. Томские социал-демократы в этот же период издали 500 экземпляров листовок, обращенной непосредственно к мусульманам [3].

Меньше к национальным группам в непосредственной практической работе обращались эсеры. Однако их программные тезисы находили большую поддержку в Финляндии [4].

Нельзя не отметить национальные организации, выдвинувшие свои требования в период Первой русской революции. Примером может служить деятельность «Якутского союза», дело о котором слушалось судом в сентябре 1907 г. Организация, созданная 31 января 1905 г., в апреле 1906 г. насчитывала в

своих рядах 200—300 человек. В телеграмме на имя Председателя Совета министров «Союз» выдвинул следующие требования:

— признание всех земель, находящихся во владении инородцев, а также находящихся в распоряжении Казны, монастырей, церквей и отведенных ссыльным собственностью якутов;

— скорейшего введения местного самоуправления в области;

— представления права избрания в Государственную Думу представителя от якутов;

— передачи функций окружных полицейских управлений в заведование самих инородцев.

В течение января 1906 года «Союз» рассылал по области гектографические листовки с указанными требованиями.

Созвучны с данными требованиями были и требования мусульман Омска и Томска:

— не одобрявших политику переселенческого управления, раздающего землю в киргизских степях;

— отрицательно относившихся к попыткам введения христианства;

— в условиях отсутствия представительства в Государственной Думе мусульмане ставили задачу «найти знающего киргизский быт человека, который помогал бы депутатам» в освещении проблем киргизов [5].

Другим примером деятельности в области национальных проблем может служить Дашнакцутюн. Эта армянская националистическая организация, провозгласившая себя социалистической, уже в годы Первой русской революции активно готовилась к борьбе за отделение от Российской империи [6].

В то же время ее теоретики разрабатывали программы решения национального вопроса в самой Армении. Деятельность названной организации была подвергнута критике в работах С. Спадаряна. Являясь членом РСДРП, С. Спадарян ставил под сомнение идею создания национальных курий в профсоюзах и других общественных организациях предлагаемую Дашнакцутюном. Он заявлял, что «эта китайская стена, старательно воздвигнутая между пролетариатом, часть которого (армянская) по известным причинам находится в заблуждении и, следовательно, эксплуатируется» армянскими националистами. С. Спадарян также подверг критике идею национальной автономии, предложенную Дашнакцутюном, констатируя: «тут очень тонко выдвигается национальная автономия, а может быть, и федерация. Надев социалистическую маску и превратив часть армянского пролетариата в слепое оружие, эта буржуазная партия подчиняет ее своей буржуазной идеологии. И идею автономии (федерации) и предложения созыва Национального Учредительного собрания С. Спадарян в своих политических и публицистических статьях, относящихся к 1905—1906 гг., характеризовал как «разлагающие революционные силы, разбивающие единство», заявляя, что целью подобных предложений по национальному вопросу является утверждение суверенитета национальной буржуазии» [7].

В целом, характеризуя позиции партий и организаций левого политического спектра по национальному вопросу, можно констатировать — в годы Первой русской революции и период, предшествующий ей:

— социал-демократы, провозглашая тезис о необходимости решения национального вопроса, в действительности не являлись сторонниками отде-

ления национальных регионов от Российской империи. Весь пафос борьбы сводился к мысли о том, что в рамках социалистического переустройства общества национальный вопрос будет разрешен, как и все вопросы, оставшиеся от капиталистического прошлого;

— как следствие, лидеры РСДРП (являющиеся иногда лидерами национальных социал-демократических партий) всемерно поддерживая выступления национальных партий против царского правительства, жестко критиковали их за какие-либо поползновения в сторону привлечения рабочего класса к борьбе не только за суверенитет, но даже за автономию и федерацию;

— более гибкая (неофициальная) программа имела место у социалистов-революционеров, рассматривающих решение национального вопроса через местное самоуправление и автономию;

— на позициях автономии стояли в предреволюционные годы национальные партии. Их поддержка русских революционных партий исходила из прагматического видения решения вопроса о предоставлении прав и свобод в рамках Российской империи.

Совместная деятельность русских и национальных партий в борьбе против царского правительства расшатывала основы российской государственности. При этом нельзя не отметить отсутствия единой конечной цели действующих политических сил, что приведет к их последующему вооруженному противостоянию на обломках империи и конечной победе большевистского крыла РСДРП, взявшего на вооружение основные лозунги национальной оппозиции и интерпретировавших их при создании РСФСР и СССР.

Характеризуя ситуацию, складывающуюся после Октябрьской революции, необходимо отметить, что уже в начале ноября 1917 г. СНК принял «Декларацию прав народов России», провозгласившую следующие принципы национальной политики:

— равенство и суверенность всех народов России, свободное развитие национальных меньшинств;

— право народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

На основе положений «Декларации» в декабре 1917 г. получила полную самостоятельность Финляндия. В 1918 г. — Польша, Литва, Латвия и Эстония.

В ноябре 1917 г. национальную автономию получают многочисленные народности Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Сибири.

Однако в «Декларации» не были сформулированы идеи устройства (унитарное или федеративное) будущего государства. Дело в том, что в это время «Федерация» еще представлялась большевикам как переходный этап на пути к преодолению национальных различий в их продвижении к мировой революции. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила принцип национально-территориальной федерации. С лета 1918 г. в РСФСР провозглашается создание национально-автономных образований (республик и областей). При этом большинство народов, населяющих территории бывшей Российской империи, в годы Гражданской войны воспользовались «Декларацией прав народов России», было заявлено о создании более 80 национально-государственных образований (иногда провозглашались только правительства).

Советское руководство, по мере упрочения нового строя, проводило твердую линию в вопросах национально-государственного строительства, ис-

пользуя две взаимодополняющих схемы государственного устройства:

— в 1918–1922 гг. народы, компактно проживающие возле великорусских регионов, получили автономию в составе РСФСР (20 автономных образований на 1920 г., среди них: Башкирская, Татарская, Дагестанская, Киргизская, Туркестанская и др. республики; Чувашская, Марийская, Удмуртская и др. области.);

— параллельно с РСФСР годы Гражданской войны возникают государственные образования советского типа на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии и др. Формально они вне контроля СНК, но политически их лидеры сориентированы на ЦК Коммунистической партии.

После завершения Гражданской войны на территории бывшей Российской империи существовало несколько независимых советских государств — РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, а также Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР.

В 1920–1921 гг. между республиками устанавливается военный и хозяйственный союз (объединялись наркоматы внешней торговли, финансов, военных и морских дел, путей сообщения, труда, почт и телеграфов). В 1922 г. был заключен и дипломатический союз — подписан протокол о передаче РСФСР другими республиками прав защиты их интересов, вплоть до заключения и подписания от их имени договоров и соглашений.

В большинстве республик власть принадлежала национальным компартиям, входившим в состав единой РКП(б), что облегчало процесс их объединения.

В итоге к 1930 г. в РСФСР помимо автономных республик и областей было создано 33 национальных района, 110 национальных волостей, 2930 национальных сельсоветов. В Сибири и на Дальнем Востоке создавались родовые советы и туземные исполкомы. Подобного рода размежевание имело место в союзных республиках СССР. С точки зрения ВКП(б) этот подход обеспечивал наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития наций и народно-

стей.

В 1924–1925 гг. было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. На территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик образовались Узбекская ССР и Туркменская ССР.

В 1929 г. было провозглашено создание Таджикской ССР (ранее Таджикистан входил в состав Узбекской ССР). Схожие изменения происходили и в других республиках. Так, в 1924 г. в составе УССР появилось новое автономное объединение — Молдавская АССР.

Таким образом, большевики собрали в единое государство большую, без Польши, Финляндии, Прибалтики и Бессарабии, часть территории Российской империи.

Библиографический список

1. Лидер, В. Национальный вопрос в польской и русской социал-демократии / В. Лидер // Пролетарская революция. — 1927. — № 2–3. — С. 148–151.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Д. 1741. Оп. 1. Ч. 4(4). Л. 19577.
3. Пролетарий. — 1905. — 24 (11) октября.
4. Смирнов, В. М. Революционная работа в Финляндии 1900–1907 / В. М. Смирнов // Пролетарская революция. — 1926. — № 1. — С. 119–157; с. 125.
5. История Якутской АССР. В 3 т. Т. II. — М., 1957. — С. 347.
6. ГАРФ. Ф. 102. 7. Делопроизводство. Д. 9081. Л. 2, 5, 7.
7. Спадарян, С. С. Статьи, письма и документы / С. С. Спадарян. — М., 1958. — С. 42, 45, 71, 72.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

© С. В. Новиков

Книжная полка

Кларк Г. Доисторический мир / Г. Кларк ; пер. с англ. — М. : Центрполиграф, 2011. — 319 с. — ISBN 978-5-9524-4976-3.

Профессор археологии Кембриджского университета и знаток предыстории человечества Грэм Кларк раскладывает перед читателем пеструю мозаику описаний первобытных культур во всех уголках земного шара, пытается объяснить, почему появились первые поселения людей, рассказывая, как они распространялись по миру, какие ступени развития прошли известные нам древнейшие цивилизации, чем отличались и чем были похожи их культуры. Кларк дает нам возможность представить, насколько мир в доисторические времена был не похож на сегодняшний, в каком климате жили наши предки, как добывали пропитание, в каких жилищах обитали, во что одевались, как их чувства воплощались в первые произведения искусства, как постепенно, накапливая знания об окружающем мире, они совершенствовали свои технологии.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в. ЧАСТЬ 2

Статья посвящена исследованию изменений, происходивших в составе и структуре органов рабоче-крестьянской инспекции в 1923—1925 гг. в Сибири. Автор выявляет особенности изменений внутренней организации органов рабоче-крестьянской инспекции в ходе их реорганизации, итогом которой стало объединение в Сибири органов рабоче-крестьянской инспекции и партийных контрольных комиссий РКП (б).

Ключевые слова: рабоче-крестьянская инспекция, структура, профессиональная подготовка.

Изменение задач и функций РКИ и резкое сокращение штата отразились на организационной структуре сибирских инспекций. Губернские отделения сибирских инспекций с января по август 1923 г. в основном сохраняли структуру, на которую они перешли в конце 1921 г. Все губернские инспекции состояли из трех отделов. Общий отдел (управление делами) — в нем была сосредоточена организационно-инструкторская, информационно-юридическая, финансово-бухгалтерская, хозяйственная часть, дела по личному составу и делопроизводство по ячейкам и группам содействия РКИ. В состав этого отдела в Новониколаевской, Томской, Алтайской и Омской инспекциях входило бюро жалоб. В Алтайской и Томской такой работой занимался заведующий бюро жалоб. В Омской и Новониколаевской прием жалоб являлся дополнительной нагрузкой у одного из сотрудников отдела. Иркутское и Енисейское РКИ деятельность бюро жалоб приостановили осенью 1922 г., сославшись на то, что с образованием прокуратуры его функции перешли к этому органу [1, л. 2; 2, л. 365; 3, л. 365; 4, л. 559].

28 июня 1923 г. СибРКИ направило в губернские инспекции директивное письмо. В нем было отмечено, что некоторые сибирские инспекции, основываясь на неправильном понимании функций прокуратуры и ее взаимоотношению с органами РКИ, ликвидировали в составе своих аппаратов, вопреки прямому запрещению НК РКИ, бюро жалоб. Двенадцатый съезд РКП(б) возложил на РКИ обязанности по усовершенствованию госаппарата. Поэтому жалобы на несовершенство госаппарата и на отдельных должностных лиц, не проявляющих стремление к проведению этого усовершенствования, должны рассматриваться органами РКИ. В случае недостаточной нагрузки работников бюро жалоб его функции следует поручить управлению делами. Иркутская ГубРКИ возобновила работу бюро жалоб 18 июля 1923 г., Енисейская — 2 августа [3, л. 180б; 5, л. 230; 6, л. 85].

Экономический отдел состоял из финансовой, промышленной и продовольственно-сельскохозяйственной секций, которые весной 1923 г. были преобразованы в группы без административного и технического персонала, непосредственно подчиненные заведующему отделом.

Административно-общественный отдел состоял из секций — просвещения, здравоохранения и социального обеспечения, административной, которые весной 1923 г. были преобразованы в группы. В Омской и Иркутской РКИ были образованы военные секции, в Иркутской — в феврале 1923 г. в связи с расформированием РКИ ВСВО, в Омской — в июне 1923 г. в связи с переездом РКИ ЗСВО из Омска в Новониколаевск. В остальных РКИ проверкой военных учреждений занимался сотрудник административной секции [4, л. 556; 7, л. 6; 8, л. 9; 9, л. 26 об; 10, л. 132].

Значительное сокращение штата в августе 1923 г. не могло не отразиться на структуре губернских РКИ. Они стали состоять из двух отделов: общим (управление делами) с бюро жалоб и ревизионным. Роль заместителя заведующего выполнял заведующий ревизионным отделом. Управляющий делами (секретарь) должен был нести обязанности по секретарской части, бухгалтерии и по общей отчетности РКИ. В связи с тем, что 85 % штата РКИ должен был составлять инспекторский персонал, ГубРКИ могла иметь в штате одну машинистку и одного регистратора. В ноябре 1923 г. СибРКИ предложила губинспекциям функции бюро жалоб закрепить за ревизионным отделом, а обязанности юрист-консультанта возложить на управляющего делами. В Томской, Иркутской и Омской ГубРКИ в самостоятельную была выделена секция по улучшению госаппарата в составе заведующего и руководителя работ по научной организации труда (НОТ). Входящие в эту секцию сотрудники работали в ней по совместительству [6, л. 85; 11, л. 5; 12, л. 40б; 13, л. 10—11; 14, л. 196; 15, л. 120б; 16, л. 2; 17, л. 118].

В основу структуры губернских РКИ был положен принцип достижения возможной простоты, отсутствовало разделение на секции. Доля инспекторского персонала была увеличена в процентном соотношении за счет сокращения административно-технического персонала.

Весной 1924 г. происходит дальнейшее упрощение структуры сибирских инспекций. 17 марта 1924 г. выходит приказ НК РКИ СССР. В нем отмечается, что местные органы РКИ, как правило, не должны иметь никаких особых административных делений в своем построении. Они должны состоять:

из «а) руководящего состава — коллегии, б) инспекторов и инструкторов, непосредственно подчиненных руководящему составу (коллегии, заведующему или начальнику учреждения) и технического обслуживающего персонала» [18, л. 7].

Первой из сибирских инспекций перестроила свою структуру Томская РКИ. На проходящем с 20 по 23 марта 1924 г. II Всесибирском совещании РКИ заведующий Томской РКИ Москунов заявил о перестройке структуры инспекции. В конце марта 1924 г. перестроили структуру Иркутское и Новониколаевское отделения, в апреле — Енисейское и Омское. С 1 мая были упразднены отделы в Алтайской ГубРКИ [19, л. 73 — 74; 20, л. 20об, 70об; 21, л. 129, 170; 22, л. 2; 23, л. 64; 24, л. 89]. На II Всесибирском совещании (20 — 23 марта 1924 г.) не было принято решение о том, кто будет осуществлять руководство местными органами РКИ — заведующий или коллегия. Это явилось одной из причин разнообразия форм управления на местах. Коллегиальное управление было установлено в Енисейской в июле 1924 г., а в Алтайской — в сентябре. В остальных губерниях единоначалие. Для предварительного рассмотрения ревизионных материалов, направленных в президиум контрольных комиссий, при губернских РКИ созданы ревизионные совещания. В Енисейской РКИ функции ревизионного совещания были переданы коллегии [25, с. 49; 26, л. 4а; 27, л. 8].

В августе 1924 г. СибРКИ направила в губернские отделения письмо, в котором предложила обсудить вопрос о формах руководства местными отделениями РКИ. Руководство большинства местных инспекций (кроме Енисейской и Алтайской) высказалось за единоначалие. Председатель президиума Омской КК и заведующий ГубРКИ Маслов высказывали мнение о необходимости полного стирания различий между КК и РКИ. В докладной записке, направленной в СибРКИ и НК РКИ, он предложил превратить РКИ в технический аппарат контрольной комиссии [28, л. 63; 29, л. 226].

Очевидно, он был не единственным рационализатором в этом направлении. Стремясь предотвратить нежелательные последствия, ЦКК РКП(б) в директиве от 13 октября и циркулярах от 16 октября 1924 г. потребовала от местных руководящих партийных органов и контрольных комиссий исключить возможность подмены советского аппарата партийным. Президиум КК должен осуществлять общее руководство по партийной линии через секретариат и партколлегию, по советской — через коллегия (или заведующего) РКИ. Все вопросы, непосредственно не входившие в компетенцию партийного контроля, должны были рассматриваться коллегией РКИ (или заведующим) и проводиться через губисполком [30, с. 57; 31, л. 11; 32, л. 21; 33, л. 74]. Членам контрольных комиссий, не входившим в аппарат РКИ, рекомендовалось участвовать лишь в таких ревизиях и обследованиях, которые непосредственно соприкасались с работой партийных органов и организаций.

Опыт работы объединенных органов партийного и советского контроля в Сибири к концу 1924 г. показал, что сосредоточение руководства в президиуме КК, при сохранении единоначалия в аппарате РКИ, является нецелесообразным, Президиум КК, стремясь быть в курсе работы РКИ, рассматривал результаты всех проводимых РКИ обследований. Это затрагивало самостоятельность рабоче-крестьянской инспекции, уменьшало возможность для проявления инициативы. Состоявшийся с 24 по

26 декабря 1924 г. II пленум Сибкрай КК предложил всем органам КК — РКИ Сибири создать коллегии РЕИ, возложив на них ответственность за все сферы деятельности РКИ, сохранив за президиумом КК функции общего руководства. Техническую и информационно-пропагандистскую работу было рекомендовано передать общему секретариату [34, л. 24; 35, л. 57, 59, 61, 62, 70; 36, л. 37; 37, л. 773].

В течение января — первой декады 1925 г. в аппаратах органов партийно-государственного контроля Сибири были созданы коллегии РКИ численностью от 3-х до 5 чел. [34, л. 24; 38, л. 96; 39, л. 3; 40, л. 2, 4, 7; 41, л. 2]. Создание коллегий позволило освободить президиум КК от вопросов повседневной деятельности РКИ, создало условия для всестороннего анализа результатов обследований, совершенствования методов работы.

В работе с жалобами населения серьезных сдвигов в 1924 — 1925 гг. не произошло. В значительной степени это было связано с загруженностью и уровнем квалификации сотрудников, занимавшихся данной работой.

В 1924 г. Только в Енисейской и Новониколаевской ГубРКИ был специальный работник, ведавший приемом и рассмотрением жалоб. В остальных инспекциях обязанности по приему и рассмотрению жалоб граждан сотрудники выполняли попутно с другими обязанностями. Состав сотрудников, занимавшихся этой работой, часто менялся. Наиболее значимые с их точки зрения жалобы они докладывали зав. ГубРКИ, который решал, что по этой жалобе надлежит сделать [42, л. 16об; 43, л. 8об].

В апреле 1925 г. специально выделенный для работы сотрудник появляется в Томской и Алтайской ГубРКИ. В Томске бюро жалоб РКИ возглавил беспартийный крестьянин, назначенный к тому же членом коллегии РКИ. В Барнауле заведовать бюро жалоб было поручено сотруднику с юридическим образованием. В этих инспекциях количество полученных и рассмотренных жалоб с апреля значительно возросло [42, л. 139, 140].

В связи с нехваткой сотрудников возможности самостоятельного расследования жалоб у инспекций были ограничены. В особенности у тех, где не было специально закрепленного сотрудника. Например, в Томске из 200 жалоб, поступивших с октября 1924 г. по апрель 1925 г., расследовалось инспекцией 10. Расследование жалоб осуществлялось путем письменных запросов и личных бесед с руководством учреждений и предприятий. Жалобы, поступившие из уездов, рассматривать было сложнее. Часть из них рассматривалась в ходе ревизий в уездах, остальные путем запросов в учреждения и вышестоящие для них инспекции. В Алтайской ГубРКИ для рассмотрения жалоб был создан довольно сложный аппарат из представителей прокуратуры, губсуда, горсовета, губкома и губпросвета. В Томске с апреля 1925 г. к работе с жалобами, поступающими в ГубРКИ, привлекались представители горсовета и профорганов [44, л. 5; 45, л. 38; 46, л. 32; 47, л. 245; 48, л. 8об].

Создание прокуратуры и последовавшая вскорее реорганизация сибирских инспекций изменили акцент в работе бюро жалоб. Рабоче-крестьянская инспекция была призвана в первую очередь принимать жалобы на несовершенство государственного аппарата. Однако жалоб и заявлений на общие недостатки государственного аппарата, а также содержащих какие-либо указания на эти недостатки было очень мало. Из 929 жалоб поступивших в сибирские

инспекции с 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г., больше всего жалоб было на неправильное взимание сельскохозяйственного налога — 221. Жалобы на бюрократизм и волокиту, пренебрежительное отношение к гражданам, другие дефекты государственного аппарата составляли менее половины от общего количества — 439. Жалобы этой категории рассматривались бюро жалоб, две трети из них было удовлетворено полностью или частично. Основная часть жалоб, касавшихся размеров взимания сельскохозяйственного налога и наделения поселенцев землей, передавалась для рассмотрения в другие учреждения — 245 из 283. Основную массу жалобщиков составляли крестьяне, рабочие и служащие. Представители бывших эксплуататорских классов составляли менее 3 % от общего количества жалобщиков. Очевидно, это связано с тем, что представителям данной группы населения было очень сложно добиться положительного результата по жалобе [23, л. 70; 46, л. 42; 49, л. 6].

В 1923 г. происходит дальнейшее сокращение численности уездных уполномоченных. В начале 1923 г. в Сибири уездные уполномоченные работали в 13 уездах Иркутской, Томской и Омской губерний. В новом штатном расписании, которое поступило в ГубРКИ в июне 1923 г., уполномоченные в уездах не были предусмотрены. С августа 1923 г. уездные уполномоченные работали.

В 1923 г. происходит дальнейшее сокращение численности уездных уполномоченных. В начале 1923 г. они работали в 13 уездах Иркутской, Омской и Томской губерний. Весной 1923 г. руководство Иркутской РКИ пришло к выводу, что в связи с отсутствием реальных результатов инспекционно-ревизионной работы институт уездных уполномоченных необходимо закрыть. В июле 1923 г. по постановлению Иркутского губисполкома уполномоченные РКИ в уездах прекратили работу. С 1 августа прекратили работу уполномоченные в Омской губернии. В Томской губернии уездные исполкомы согласились оплачивать содержание уполномоченных из местного бюджета. Таким образом, в течение 1923 г. численность уездных уполномоченных в Сибири сократилась с 13 до 4 [12, л. 4; 13, л. 1; 50, л. 38].

В сентябре 1924 г. руководство Томской РКИ приняло решение об упразднении с 1 октября 1924 г. института уполномоченных РКИ в уездах. Основанием послужил отказ некоторых уездных исполкомов включить в смету их содержание и то обстоятельство, что уполномоченные выполняли в первую очередь работу, порученную им уездными исполкомами. Параллельно с ликвидацией в Томске, институт уездных уполномоченных организуется в Новониколаевской губернии. В сентябре 1924 г. в уездах Новониколаевской губернии приступили к работе уполномоченные КК-РКИ. В отличие от прежних уездных уполномоченных РКИ основное время они посвящали делам контрольной комиссии. Их работа по линии РКИ сводилась к разрешению жалоб в представительстве интересов РКИ на различных совещаниях. В январе 1925 г. руководство Томской КК-РКИ пересмотрело свое отношение к институту уездных уполномоченных. Было принято решение для установления связи с местами восстановить институт уездных уполномоченных КК-РКИ в Щегловске, Мариинске и Томске. Содержаться они должны были за счет местного бюджета. Таким образом, в феврале 1925 г. в Сибири уездные уполномоченные КК-РКИ действовали в 6 уездах [21, л. 2; 51, л. 33; 52, л. 61; 53, л. 45].

В структуре управления уполномоченного НК РКИ по Сибири (СибРКИ) в течение 1923 — 1925 гг. дважды происходили значительные изменения. Связано это было с поиском наиболее рациональной с точки зрения поставленных задач организации аппарата (СибРКИ), в начале 1923 г. состоявшего из 4-х отделов. Управление делами с организационно-инструкторским подотделом, экономический отдел, административно-общественный и топливный отдел. Каждый из этих отделов состоял из нескольких секций (не менее трех). Всего в СибРКИ было 14 секций. Разделение на секции не всегда совпадало с текущей работой инспекции. Недостаток сотрудников и необходимость при ударных работах сосредоточить максимум сил на одной какой-либо отрасли приводило к тому, что некоторые секции оставались без работников, а иногда и без заведующих. В апреле 1923 г. топливный отдел был преобразован в топливную секцию, а из экономического и административно-общественного отделов был образован один отдел — ревизионный, без разделения на секции [13, л. 9, 10 об].

В декабре 1923 г. была проведена структурная реорганизация, в ходе которой отделы были ликвидированы.

В конце года управление НК РКИ по Сибири состояло из:

— секретариата (управление делами), в обязанности которого входили общее делопроизводство и переписка, вопросы организационные, контроль за выполнением работ в управлении и ГубРКИ, архив, консультация по судебным-правовым вопросам, финансово-хозяйственные функции, рассмотрение жалоб;

— ревизионной секции, занимавшейся производством ревизий и наблюдением за деятельностью основных учреждений на территории Сибири, производством расследований по жалобам, выработке программ и планов работ;

— секции по изучению и реализации ревизионных материалов, осуществлявшей обработку, изучение и реализацию ревизионных материалов ревизионной секции ГубРКИ в порядке производства им плановых ревизий, инструктированием местных РКИ на основании их ревизионных работ и отчетов, подготовкой информации для газет и журналов о ревизионных работах органов РКИ;

— секции по улучшению госаппарата, занимавшейся проверкой и изучением работы советского аппарата, улучшением техники делопроизводства, учета, отчетности, складского хозяйства, инструктирования губинспекций, объединением работ учреждений, занимающихся вопросами НОТ [54, с. 210; 55, л. 11 — 11 об].

Острая нехватка квалифицированных работников не позволила секции по изучению и реализации ревизионных материалов выполнять возложенные на нее функции. Работа секции сводилась к составлению сводных докладов по материалам ГубРКИ, отчетам по СибРКИ и выпуску бюллетеня СибРКИ. В конце марта 1924 г. секция была ликвидирована [56, л. 1].

Осенью 1924 г., спустя 10 месяцев после структурной перестройки, произошло новое значительное изменение в организации аппарата СибРКИ. В сентябре 1924 г. он был разделен на специальные группы (секции) — сельскохозяйственную, промышленную, кооперативно-торговую, финансовую, административно-культурно-просветительскую. Секция по улучшению госаппарата была преобразо-

вана в группу по рационализации и административной технике. Для освобождения основных секций от внеплановых работ была создана внеплановая группа [31, л. 45; 57, л. 25]. Новая структура инспекции по принципу построения (по сферам деятельности) напоминала структуру рабоче-крестьянских инспекций в 1920–1921 гг. с той разницей, что в структуре образца 1924 г. групп (секций) было меньше и отсутствовало их деление на подсекции.

В начале 1925 г. было признано нецелесообразным существование группы по улучшению госаппарата, поскольку этой работой занимались все секции, каждая в своей сфере деятельности. Группа по рационализации и административной технике была ликвидирована. В феврале 1925 г. поднимался вопрос о создании при СибРКИ бюро жалоб. Жалобы, поступавшие в инспекцию, направлялись для разрешения в губернские РККИ. В исключительных случаях СибРКИ командировала для расследования жалоб своих инспекторов. В мае 1925 г. было произведено подробное расследование в коммуне «Рекорд» в Новониколаевском уезде по жалобе, присланной в СибРКИ из Центрального бюро жалоб. В июне 1925 г. произвели расследование нескольких жалоб, поступивших от жителей Новониколаевска [58, л. 2, 93об].

В первом квартале 1925 г. произошло объединение секретариата СибРКИ с секретариатом Сибирской краевой контрольной комиссии. Руководил секретариатом секретарь, входивший в состав СибКК [27, л. 8; 58, л. 90].

Данная структура СибРКИ просуществовала до реорганизации инспекции в октябре 1925 г., связанной с изменением территориального деления Сибири.

Библиографический список

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. – 320. Оп. 1. Д. 70а.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 109.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 121.
4. Томский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 673.
5. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 121.
7. ГАТО. Ф. Р. – 162. Оп. 1. Д. 9.
8. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 112.
9. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 123.
10. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 100.
11. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 66.
12. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 78.
13. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 90.
14. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 113.
15. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК) Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 293.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П. – 613. Оп. 4. Д. 5.
17. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р. – 241. Оп. 1. Д. 556.
18. ГАТО. Ф. Р. – 320. Оп. 1. Д. 87.
19. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 73.
20. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 203.
21. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 291.
22. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 112.
23. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 149.
24. Прокопенко, А. В. Подготовка и проведение реорганизации РККИ в Иркутской губернии на основе ленинских принципов (1923–1926 гг.) / А. В. Прокопенко // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – С. 85–104.
25. Чугунов, А. И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923–1934 гг. / А. И. Чугунов. – М.: Наука, 1972. – 472 с.
26. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 16.
27. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 60.
28. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 66.
29. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 73.
30. Анашкин, А. П. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.) / А. П. Анашкин, М. С. Кузнецов. – Томск, 1982. – 208 с.
31. ГАО. Ф. Р. – 6. Оп. 1. Д. 1.
32. ГАО. Ф. Р. – 6. Оп. 1. Д. 41.
33. ГАО. Ф. Р. – 6. Оп. 1. Д. 56.
34. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. П. – 2. Оп. 6. Д. 53.
35. ГАО. Ф. Р. – 6. Оп. 1. Д. 2.
36. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 100.
37. ТОЦДНИ. Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 673.
38. ЦХАФ АК. Ф. Р. – 12. Оп. 2. Д. 441.
39. ТОЦДНИ. Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 151.
40. ТОЦДНИ. Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 661.
41. ГИАОО. Ф. Р. – 1180. Оп. 1. Д. 17.
42. ГАО. Ф. Р. – 6. Оп. 1. Д. 308.
43. ГАТО. Ф. Р. – 320. Оп. 1. Д. 166.
44. ЦХАФ АК. Ф. Р. – 103. Оп. 1. Д. 15.
45. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 134.
46. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 138.
47. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 289.
48. ГАТО. Ф. Р. – 320. Оп. 1. Д. 160.
49. ГАКК. Ф. Р. – 241. Оп. 1. Д. 773.
50. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 118.
51. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 141.
52. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 288.
53. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 290.
54. Горестов, М. А. Ленинский план реорганизации Рабкрин и деятельность партийных организаций Сибири за его осуществление (1923–1925 гг.) / М. А. Горестов // В.И. Ленин и социально-экономические преобразования в Сибири за 50 лет Советской власти. – Красноярск, 1967. – С. 206–216.
55. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. – 374. Оп. 4. Д. 39.
56. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 189.
57. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 194.
58. ГАО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 136.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии.

Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2013 г.

© А. Г. Дианов

КОРПОРАТИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПЕРИОДА ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ (1914–1919 гг.)

В данной статье рассматривается процесс создания корпоративных организаций сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири в годы Первой мировой войны и революционных событий 1914–1919 гг. Автор выявил причины создания и специфику предпринимательских союзов, проанализировал их деятельность, показал значение представительских объединений в решении актуальных вопросов хозяйственной жизни.

Ключевые слова: корпоративные объединения, представительские организации, сельские предпринимательские хозяйства, сельскохозяйственное предпринимательство, Первая мировая война, революция.

В годы Первой мировой войны в социально-экономическом развитии Западной Сибири наблюдались сложные и неоднозначные процессы. В этот период серьезные изменения, имеющие определенную специфику, происходили в базовой сфере региональной экономики — аграрном секторе.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что если на начальном этапе войны сельскохозяйственное предпринимательство в Западной Сибири получило дальнейшее развитие за счет государственной поддержки, расширения рынка сбыта продукции и внутреннего потенциала хозяйств, то в дальнейшем в его развитии стали проявляться негативные тенденции. Убыль и снижение качества трудовых ресурсов в результате массовых мобилизаций сельского населения, расстройство системы снабжения и обслуживания товаропроизводителей усовершенствованной техникой и необходимым оборудованием, привело к сокращению производства в предпринимательских хозяйствах региона [1–6].

В условиях экономической нестабильности и нарастающей политической неопределенности, на повестку дня был поставлен вопрос о создании корпоративных объединений, которые защищали бы экономические интересы предпринимателей в аграрной сфере.

Известно, что для защиты общих интересов любой социальной слой общества создает корпоративные объединения в виде представительных организаций, ведь взаимопонимание и солидарность легче устанавливаются между теми, чьи интересы совпадают. Каждая социальная и профессиональная группа обязательно объединяется для защиты своих общих интересов. В этом отношении сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири не стало исключением и не отличалось от торгово-промышленного предпринимательства региона.

Отметим, что с началом Первой мировой войны количество и значение предпринимательских организаций в жизни российского общества резко

возросло. Только в 1915 г. было создано 293 военно-промышленных комитета во главе с Центральным военно-промышленным комитетом, являвшихся особого рода предпринимательскими объединениями, деятельность которых была целиком и полностью посвящена войне. Кроме того, правительство создало специальные органы военного времени — Особые совещания по делам отдельных отраслей народного хозяйства, в состав которых входили представители советов съездов, они же — члены военно-промышленных комитетов. И в последующие годы учредительство корпоративных организаций предпринимательских кругов получило дальнейшее развитие. По справедливому замечанию А. А. Тимофеевой, сеть представительских организаций должна была сплотить и возглавить все слои собственников для борьбы с нарастающей революцией, но история не отпустила для этого необходимого времени, а экономические и политические противоречия внутри предпринимательского корпуса ослабили их деятельность [7].

В Западной Сибири идею создания представительной организации, объединяющей предпринимателей в аграрной сфере, первыми стали обсуждать сельские предприниматели Омского уезда Акмолинской области в 1915 г. Так, 3 августа 1915 г. на общем собрании членов Омского отдела Московского общества сельского хозяйства после рассмотрения данного вопроса было принято решение выбрать комиссию и поручить ей всю подготовительную работу по организации союза сельских хозяев. В состав комиссии кроме сельских предпринимателей вошли известные в регионе и за его пределами общественные деятели, такие как И. М. Карзин, Т. И. Колмаков, А. М. Левицкий, И. Ф. Лобачев, С. С. Марковский, П. Я. Морозов, Л. Ф. Федоров [8].

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы говорят о том, что комиссией была проделана огромная работа. Была проведена широкая рекламная кампания, в сельской местности активно

распространялась печатная продукция, где объяснялись причины и цель создания данного союза [9]. 6 и 21 сентября 1915 г. комиссией были организованы собрания сельских хозяев, где приняло участие около 100 чел. На собраниях активно обсуждались цели и задачи, структура будущего союза. Чтобы ускорить создание организации, было принято решение сначала организовать товарищество, так как в этом случае все нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность данной структуры, утверждались в регионе, и не было необходимости отправлять их в столицу для рассмотрения и согласования в профильных министерствах. Правда, следует указать, что товарищество, в этом случае, могло объединять только сельских предпринимателей Акмолинской области [9].

21 сентября были выбраны учредители и согласован окончательный вариант устава Товарищества сельских хозяев Акмолинской области [9]. Все необходимые документы были переданы для рассмотрения и утверждения в региональные органы власти [10].

Вся организационная работа проводилась при полной поддержке Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, который отстаивал интересы сельских предпринимателей. В перспективе организаторы данного товарищества, а это известные в регионе предприниматели А. М. Левицкий, Т. И. Колмаков, И. С. Цыбульский, Т. П. Телегин, Ф. И. Исаак, И. И. Гейнрихс, Т. И. Подковыров, П. Я. Морозов, А. П. Бодылевский, Я. З. Михайлуц, Я. М. Гиберт, М. И. Гурьянов и др., намерены были трансформировать его в региональный союз сельских хозяев [9]. Также планировалось приобрести в собственность отдельное помещение в г. Омске, разместить там правление и устроить подворье для членов товарищества, приезжающих в него по делам [9].

В соответствии с уставными документами, товарищество должно было содействовать своим членам в приобретении необходимых материалов, машин, орудий и пр., в сбыте продукции сельскохозяйственного производства, а также в организации залоговых операций и ходатайств перед банковскими учреждениями [9].

Членский взнос был установлен в размере 100 р., из которых только 25 р. могли быть потрачены на текущие расходы, а остальная сумма шла в оборотный капитал. Внесенные деньги не возвращались ни членам товарищества, ни их наследникам [9].

Для того чтобы реализовывать производимую в хозяйствах членов товарищества продукцию более крупными партиями и на более выгодных условиях, им запрещалось самостоятельно ей торговать, в противном случае необходимо было уплачивать штраф в кассу товарищества. Это было сделано специально, по опыту американских товариществ [9].

Исторических источников, которые бы подробно отражали деятельность данного товарищества в последующие годы, в нашем распоряжении нет. Но известно точно, что устав товарищества был утвержден Акмолинским губернатором. Кроме того, есть упоминания о том, что после создания данной организации сельские предприниматели стали выражать недовольство ее уставом. Можно привести слова Т. М. Подковырова, сказанные им на общем собрании Омского отдела Московского общества сельского хозяйства 6 апреля 1916 г. и имеющие прямое отношение к этому вопросу: «Сельские хозяева рассматривали устав товарищества и нашли его неподходящим. Это устав для покойников. Глав-

ное — вклады, они не возвращаются даже потомству вкладчика. Войдешь — внесешь, а обратно ничего не получишь. Поэтому сельские хозяева и отказались от этого устава» [11].

Более того, после политических и социально-экономических изменений в стране, которые произошли в результате революционных событий 1917 г., сельские предприниматели опять вернулись к мысли создания региональной представительной организации [12]. При этом, если в 1915 г., основные причины создания корпоративной структуры сельскохозяйственного предпринимательства лежали в экономической плоскости и были вызваны условиями военного времени, то в 1917—1919 гг. они уже напрямую зависели от политической ситуации в стране.

Национализация земли, конфискация усовершенствованных машин и орудий в период установления советской власти в Сибири (октябрь 1917—май 1918 г.), трудности, связанные с возвратом имений и вообще с хозяйственной деятельностью во второй половине 1918—ноябре 1919 г., в очередной раз актуализировали вопрос о создании представительной организации сельских предпринимателей.

11 июня 1918 г. состоялся съезд землевладельцев г. Кургана, на котором обсуждалось современное положение земельной собственности в уезде, рассматривались вопросы, связанные с убытками землевладельцев за время нахождения у власти большевиков, а также было принято решение о создании союза земельных собственников и назначена дата организационного собрания [13].

Общество Курганских частновладельцев было образовано 19 июля и фактически сразу же стало отстаивать интересы предпринимателей, ведя обширную переписку с различными государственными учреждениями по вопросам, преимущественно связанным с судьбой земельной собственности [14].

Следует отметить, что основные законодательные акты в аграрной сфере Временного Сибирского правительства, а именно постановление «О возвращении владельцам их имений» от 6 июля 1918 г. и инструкция к нему, не представляли собой детально проработанного комплекса нормативно-правовой документации, а «объединяли в себе противоречивые и половинчатые нормы», направленные на поиск баланса между интересами незаконных «захватчиков» частной земли и ее прежних владельцев [15].

Кроме того, кардинальное изменение политической ситуации в октябре—ноябре 1918 г. привело к тому, что 3 ноября 1918 г. в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория), а в результате государственного переворота 18 ноября 1918 г. ему на смену пришло Российское правительство адмирала А. В. Колчака.

В этих сложных условиях, 17 декабря 1918 г. уже омским сельским предпринимателям удалось зарегистрировать в Омском окружном суде устав Союза земельных собственников и арендаторов в г. Омске [16]. Союз создавался с целью защиты интересов сельского хозяйства, правового положения собственников, арендаторов земель, а также для исследования и улучшения условий производства и сбыта продуктов [16]. Укажем, что подобные организации, выступающие за «охрану прав земледелия, против попыток социализации, национализации и массовых отчуждений», в Европейской России были созданы еще в июне 1917 г. [17].

Региональная пресса демократического толка резко негативно оценивала инициативу сельских

предпринимателей. Так, «Голос Сибири» в январе 1919 г. писал: «В последнее время из газет известно, что образовался в Омске союз земельных собственников и хлопочет об уничтожении всех стеснений владения землей на правах частной собственности... Двух мнений об истинном значении этих сообщений быть не может. Возврат к утверждению незыблемости и неприкосновенности частной собственности — это поворот к старому, это шаг правящих кругов к реставрации, сильный удар по демократии... февральской победы» [18].

8 апреля 1919 г. была принята декларация Российского правительства А. В. Колчака по земельному вопросу и утверждены другие законодательные акты, которые только снизили и без того невысокий эффект от претворения в жизнь постановлений Временного Сибирского правительства. Деятельность антибольшевистских правительств, по сути дела, способствовала не решению, а дальнейшему запутыванию аграрного вопроса [19].

Непоследовательно вела себя и войсковая управа Сибирского казачьего войска, на землях которого располагалось достаточно много хозяйств сельских предпринимателей. Еще в августе 1918 г. она требовала от станичных и поселковых атаманов принять меры, «чтобы создавшееся захватное пользование землями и другими угодьями на территории войска было устранено в непродолжительное время» [20]. Но уже в 1919 г., когда сельские предприниматели, имевшие до революционных событий на территории войска капиталистические хозяйства, но ликвидированные по решению Совета казачьих депутатов, пытались восстановить свои права и обращались по этому вопросу в войсковую земельную комиссию, то встречали с ее стороны определенное сопротивление.

В результате такой непоследовательной политики войсковой администрации, сельские предприниматели пытались сами защитить свои экономические интересы в условиях политической нестабильности. 18 марта 1919 г. в Омске состоялся съезд арендаторов и собственников земель Сибирского казачьего войска. Данный форум был довольно представительным, в нем приняли участие даже арендаторы из Семипалатинской области [21]. Это объяснялось тем, что на съезде обсуждались достаточно актуальные для того времени вопросы, связанные с условиями, «при которых возможно бы было спокойное ведение арендаторами своего хозяйства», а также судьба собственников бывших офицерских и других участков, расположенных на войсковой территории [21].

Напомним, что 4-й Круг Сибирского казачьего войска высказал пожелание, по которому все офицерские, чиновничьи, высочайше пожалованные в награду и прочие потомственные и кабинетные участки, находившиеся на войсковой территории, подлежали передаче войску без выкупа.

Войсковая администрация полагала, что окончательно этот вопрос должен быть решен Национальным или Учредительным собранием в общероссийском масштабе, но на данном этапе «собственники земли, не расставаясь с находящимися в их владениях участками, почли бы себя за арендаторов и путем определенного съездом обложения пришли на помощь в финансовом отношении войску» [21]. В своей речи войсковой атаман высказал уверенность, что съезд арендаторов и собственников пойдет навстречу пожеланиям войскового круга, посодествует разрешению финансовых затруднений и создаст экономические условия для развития хозяйств

казakov, совместно с арендаторами и собственниками, проживающими на офицерских участках.

На съезде были сформированы две специальные комиссии (собственников и арендаторов), в состав которых вошли известные в Сибири предприниматели И. М. Карзин, Н. Н. Груздев, И. Т. Колмаков, Д. В. Фурман и др., которые совместно с Войсковой управой и должны были выработать под председательством Ф. Ф. Штумпфа конкретные условия взаимоотношений [21].

Для решения актуальных вопросов хозяйственной жизни сельские предприниматели стремились по максимуму использовать потенциал имеющихся в Западной Сибири общественных организаций. Они очень часто через эти организации пытались решить те или иные проблемы, обратить на них внимание государственных органов. Примером такой совместной деятельности является плодотворное сотрудничество сельских предпринимателей с многочисленными организациями экономического профиля в регионе — биржевыми комитетами, отделениями Московского общества сельского хозяйства и др. Так, Омский биржевой комитет от имени сельских предпринимателей региона, в целях успешного окончания уборочной кампании и подготовки земли к посеву 1915 г., ходатайствовал перед администрацией Степного края об отпуске последним в 1914 г. до 800 чел. военнопленных в качестве рабочей силы, гарантируя со стороны предпринимателей выполнение всех предписанных администрацией требований по надзору и содержанию [22]. Заметим, что в различные годы членами Омского биржевого общества были следующие сельские предприниматели — Ф. Ф. Штумпф, И. М. Карзин, Р. Г. Шпехт, А. П. Бодылевский, Г. И. и Я. И. Шварц, Я. И. Романенко, П. Н. Николенко, Г. Е. Грязнов, А. Ф. Гехтерь и др. [23, 24].

Летом 1917 г., испытывая наиболее острый недостаток в рабочих и понимая возможную опасность в затягивании уборочной кампании, сельские предприниматели неоднократно обсуждали сложившуюся ситуацию с Омским отделом Московского общества сельского хозяйства [25]. И это были не единичные примеры такого сотрудничества.

Большую роль в сбыте продуктов сельскохозяйственного производства предпринимательских хозяйств играло Справочное бюро при Омском отделе Московского общества сельского хозяйства, которое было создано еще в 1912 г. Оно имело своего мажора для ведения хлебных сделок, а также выдавало различного рода справки по вопросам сельского хозяйства [26].

Сельскохозяйственные предприниматели через Бюро продавали производимый хлеб, покупали улучшенный семенной материал [27]. Полных статистических данных о том, кто именно из предпринимателей и в каких объемах осуществлял сбыт продукции через Бюро, источники не дают, но известно, что в 1916 г. И. И. Варкентин реализовал через Бюро 900 п. семенного овса в мешках [28]. Вероятнее всего, через Бюро вели реализацию продукции И. М. Карзин, Ф. Ф. Штумпф, Г. И. Шварц, С. Е. Острянин, Р. Г. Шпехт, А. П. Немцевич, П. Н. Николенко, А. Д. Зейферт, А. П. Бодылевский, Ф. М. Лебской, так как они непосредственно принимали участие в деятельности этой организации [29].

В заключение отметим, что Первая мировая война и последовавшие позже революционные потрясения в стране неоднозначно сказались на развитии сельскохозяйственного предпринимательства в За-

падной Сибири. С одной стороны оно получило дополнительные условия для развития, наращивания объемов производства, с другой — определенные хозяйственные трудности со временем вызвали сокращение производства, снижение товарности. Кроме того, ситуацию усугубляла политическая нестабильность. Поэтому, идея создания общественных организаций по защите своих экономических интересов и юридических прав в данной ситуации выглядит понятной и логически обоснованной. Описанные выше организации представляют собой, конечно же, далеко не весь спектр сибирских представительных органов предпринимательского сообщества, оперировавшего в сельском хозяйстве региона. Но это наиболее яркие и характерные примеры подобных структур в Западной Сибири, которые были построены на принципах сплоченности и добровольности.

Библиографический список

1. Шорников, М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции / М. М. Шорников. — Новосибирск, 1963. — 646 с.
2. Пронин, В. И. Динамика уровня земледельческого производства Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / В. И. Пронин // История СССР. — 1977. — № 4. — С. 58—75.
3. Тюкавкин, В. Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции) / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск, 1966. — 471 с.
4. Сидоренко, С. А. Сельское хозяйство в годы Первой мировой войны / С. А. Сидоренко // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Ученые записки. — Свердловск, 1966. — С. 310—318.
5. Горюшкин, Л. М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири / Л. М. Горюшкин // Сибирь периода капитализма. — Новосибирск, 1967. — Вып. 3: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. — С. 201—208.
6. Кротт, И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в годы Первой мировой войны / И. И. Кротт // Вестник Омского университета. — Омск, 2012. — № 3 (65). — С. 103—108.
7. Тимофеева, А. А. Представительные и политические организации предпринимателей дореволюционной России /

А. А. Тимофеева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Alla-Aleksandrovna-Timofeeva_Istoriya-predprinimatelstva-v-Rossii.../27 (дата обращения: 22.08.2013).

8. Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.
9. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 33. ЛЛ. 243—249, 262—265.
10. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 5—6 об.
11. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 40. Л. 35.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. ЛЛ. 176—178 об.; Д. 302. ЛЛ. 9—16.
13. Земля и труд. — Курган, 1918. — 16 июня. — С. 3.
14. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. ЛЛ. 176—178 об.
15. Рынков, В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918—1919 г.) / В. М. Рынков // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г. : межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. — Новосибирск, 2001. — С. 99—137.
16. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 302. ЛЛ. 9—16.
17. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.
18. Голос Сибири. — Томск, 1919. — 1 янв. — С. 1.
19. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 52, 99—101; Д. 86. ЛЛ. 26—26 об.; Д. 109. ЛЛ. 1—1 об.
20. ГИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 182. Л. 4.
21. Сибирская речь. — Омск, 1919. — 22 (9) марта. — С. 4.
22. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 25.
23. Отчет о деятельности Омского Биржевого комитета за 1908 г. — Омск, 1909. — С. 97, 100.
24. Омский Биржевой комитет. Отчет за 1913 г. — Омск, 1914. — С. 66, 73.
25. Омский вестник. — Омск, 1917. — 17 (30) июня. — С. 3.
26. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 132, 137 об.
27. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.
28. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 58. Л. 53.
29. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 12, 46, 83.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

© И. И. Кротт

Книжная полка

Прутцков, Г. В. История зарубежной журналистики. 1929—2013 / Григорий Владимирович Прутцков. — М. : Аспект-Пресс, 2013. — 432 с. — Гриф УМО по классическому университетскому образованию. — ISBN 978-5-7567-0689-5.

Учебно-методический комплект «История зарубежной журналистики. 1929—2013» включает в себя учебное пособие с контрольными вопросами для повторения, списком рекомендуемой литературы по каждой теме и хрестоматию. В нее вошли произведения журналистов и публицистов, чье творчество оказало значительное влияние на развитие СМИ, свободы слова и печати. Многие тексты публикуются на русском языке впервые. Во второе издание внесены изменения в соответствии с программой изучения истории зарубежной журналистики. Для студентов факультетов и отделений журналистики вузов, преподавателей истории зарубежной журналистики и всех, кто интересуется историей зарубежной журналистики и социально-политических процессов XX — начала XXI века.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ И АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПАРТИЙНЫМИ И СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ 1920-х—1930-е гг.)

В статье рассматривается политика партийных и советских органов Западной Сибири (конец 1920-х—1930-е гг.) по созданию информационной и агентурной работы среди тюркского населения

Ключевые слова: осведомитель (информатор), агент, донос.

С января 1928 г. ЦК ВКП(б) взял курс «революция сверху». Выполняя решения ЦК партии, Сибкрайком ВКП(б) приступил к выполнению поставленной перед ним задачи. Первой крупномасштабной кампанией стала «чрезвычайщина». Против нее выступили зажиточные крестьяне, которых поддержала часть коммунистов. Для борьбы с ними партийные и советские органы стали создавать сеть информаторов и доносчиков. Доносительство стало считаться положительным поступком граждан. Кандидатуры выискивались среды беднейших слоев в аулах и деревнях края. Они сообщали властям о спрятанном хлебе, количестве незарегистрированного скота, несдаче мяса, масла и шерсти. С их помощью органами ОГПУ перехватывались караваны с зерном, следующие на рынок. 13 апреля 1929 г. из Москвы в Новосибирск на имя полномочного представителя ОГПУ СССР по Сибири Л. М. Заковского поступила телеграмма, подписанная заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой и начальником отдела информационной службы ОГПУ Алексеевым, с требованием усиления информационно-агентурной работы [1, с. 199]. Она особенно проявилась при проведении насильственных хлебозаготовок и раскулачивания в период сплошной коллективизации. Например, информаторам в качестве премии выдавалась часть хлеба, конфискованного во время обысков у одноаульцев. Более активную часть информаторов составляли члены партии и комсомола, верившие в непогрешимость ЦК ВКП(б) и правильность решений Запсибкрайкома ВКП(б), а поэтому считали доносы своим партийным долгом. Часть граждан, напуганных за свои судьбы и семьи, становились невольными доносчиками. Всё, что ими было увидено или услышано, противоречащее генеральной линии партии, от своих одноаульцев, они сообщали в аулсоветы, в партийные и комсомольские ячейки. В результате за ними устанавливался надзор. В конечном итоге «дело» передавалось в ОГПУ-НКВД, для которого нужен был лишь последний повод арестовать неблагонадежных лиц.

В 1928—1939 гг. в Западной Сибири любые преступления рассматривались в двух плоскостях: уго-

ловной и уголовно-политической. Уполномоченному ОГПУ-НКВД по Западно-Сибирскому краю Л. М. Заковскому от начальников ОГПУ-НКВД округов и областей ежемесячно поступали отчеты, в которых указывалось количество политических преступлений, в том числе убийств, избиений, поджогов, порче колхозного имущества и т.д. Каждый начальник областного масштаба, стараясь показать свою преданность Советской власти, в погоне за количеством раскрытых дел, делал вид, что не замечает в действиях своих подчиненных нарушений прав и свобод человека во время ведения следствия. Подтасовка фактов, подставные свидетели, ложные доносы, подделка подписей и т.д. — стали в этот период нормой.

В Хакасии, в колхозе «Красный путь», в селе Таштып, 4 октября 1930 г. из-за халатности, допущенной колхозниками, сгорели клады (скирды) необмолоченного хлеба. Однако сотрудники ОГПУ во время следствия сфабриковали дело об «антисоветской организации», которую якобы возглавлял председатель колхоза. В результате оно было передано в суд, но не как уголовное по статье «халатность», а было переклассифицировано в 58-ю политическую статью УК РСФСР («умышленный поджог»). В итоге тройка ОГПУ по Сибирскому краю приговорила пять человек к расстрелу, а председателя колхоза к пятилетнему заключению в концлагере [2, с. 17]. В 1928—1939 гг. действия граждан считались преступными, если они знали о контрреволюционных заговорах, группировках, а также о лицах, подпадающих под политическую 58-ю статью УК РСФСР, но не общались об этом властям. Против них были возбуждены уголовные дела. Так, был осужден (22 августа 1933 г.) и приговорен к 10 годам лишения свободы М. А. Каштымов (хакас, гуртоправ из Октябрьского района Хакасии), только за то, что он не донес властям о группе вооруженных людей, встретившихся ему в степи [2, с. 17].

В 1934 г. в один из обзоров ОГПУ по Омской области попал Темир Ниязов, работник кирпичного завода г. Омска., высказывавший недовольство проводимой политикой Запсибкрайкомом ВКП(б). В ре-

зультате за ним было установлено негласное наблюдение. Поводом для его ареста послужил донос, что на квартире Т. Ниязова временно проживал К. Бердалин, бывший волостной управитель из Павлодара и председатель Павлодарского уезда комитета партии «Алаш Орда». Кроме этого обвинения в его уголовном деле фигурируют и показания свидетелей, являющихся главными уликами против него, что он «антисоветски» высказывался против политики Запсибкрайкома ВКП(б), «вел среди казахов контрреволюционную агитацию за ослабление совхозов», призывал «скрывать беглых кулаков», говорил, что «коммунисты хотят все наше богатство увезти в центр России, обобрать вконец сибирский народ». Т. Ниязова осудили по политической 58-ю статье УК РСФСР и приговорили к пяти годам лишения свободы с отбыванием в трудовых исправительных лагерях [3, с. 261 – 263].

Органы ОГПУ-НКВД использовали и работников средств массовой информации. В редакциях окружных и районных газет было увеличено число корреспондентов. Информация, поступающая от читателей, передавалась ими в карательные органы. Например, газета «Красный Алтай» (Барнаульский округ) периодически сообщала, что полученные сведения редакция отправила ОКрКК или ОГПУ (НКВД) [4]. Кроме этого, партийная и советская периодическая печать, особенно газеты «Правда» и «Известия», постоянно публиковали материалы о врагах народа, вредителях, шпионах, диверсантах, постоянно призывая общество к бдительности. Подобное подстрекательство ускорило складывание в обществе системы доносительства и взаимной слежки.

В селе Айткулово Тарского района по доносам 11 ноября 1937 г. был арестован учитель школы С. А. Кучуков. В них говорилось, что он был сыном лавочника; в школе, в строительстве которой он принимал непосредственное участие, печи плохо обогревали помещение. НКВД использовало эти доносы как повод для его ареста. Причиной стало раскрытие несуществующей татарской контрреволюционной организации «Милли-Шуро» якобы во главе с С. А. Кучуковым. Своей принадлежности к этой организации он не признал, но все же был обвинен по статье 58 УК РСФСР тройкой УНКВД по Омской области и 23 ноября 1937 г. расстрелян в Таре. Двадцать три года спустя «дело» Кучукова было возвращено на доследование, в ходе которого появились совершенно другие показания свидетелей, допрашиваемых по его делу в 1937 г.: «Я не помню такого случая, когда меня в 1937 г. допрашивали в отношении Кучукова»; «Я таких показаний никогда не давал и не мог дать»; «Не могу объяснить, каким образом были мною подписаны эти вымышленные показания»; «Я помню в селе Айткулово (в школе) действительно были плохие печи, но какое отношение к недоброкачественной кладке имел Кучуков, я не знал и не знаю» [5, с. 424 – 427].

По доносу был арестован Тимиров Макен, сельщик сельхозартели аула Саттыбай Таврического района Омской области. В нем указывалось, что он «с целью подрыва колхоза» засеял непротравленные семена проса на 17 гектарах земли, что привело в результате к гибели урожая. Доноситель также сообщал, что М. Тимиров подверг критике Советскую власть, которая «расстреливает безвинных людей, думая положить конец сопротивлению. Так или иначе, власть будет свергнута». Донос оказался роковым для Тимирова, которого 17 ноября 1937 г. по

приговору тройки УНКВД по Омской области расстреляли [6, с. 70].

В уголовных делах часто встречаются доносы на разных людей с одинаковым текстом. Все они были написаны информаторами под диктовку следователей ОГПУ-НКВД. Только более десяти доносов было написано председателем Тельмановского сельсовета Исилькульского района на своих единоверцев. Одному из них, арестованному 14 февраля 1938 г., Жунусу Умурзакову, казаху, жителю аула Кудьяр, следователь Исилькульского РО НКВД (районное отделение) Луговской сказал, что у него есть показания свидетеля, подтверждающие, что на базарной площади в селе Исилькуль в октябре 1937 г. среди казахов он «возводил контрреволюционную клевету на руководителей партии и государства». Однако Ж. Умурзаков своей вины не признал. Но тройка УНКВД по Омской области осудила его по политической статье 58 и приговорила к высшей мере наказания, приведенной в исполнение 11 марта 1938 г. в Омске [3, с. 326 – 327].

По доносу 24 октября 1937 г. арестовали Даникеева Мустафу, казаха, уроженца аула Акпай Шербаккульского района Омской области, которого по приговору тройки при УНКВД по 58-й статье УК РСФСР расстреляли 20 ноября 1937 г. в Омске. Спустя много лет его сын О. Даникеев, узнав имя и фамилию написавшего ложные доносы на отца и деда, сказал, что зла на этого человека не держит, так как «времена были такие, ... что многие хотели угодить властям, выслужиться и тем самым обезопасить себя» [7].

Иноятова Сафара Аппасовича, татарина, уроженца деревни Рычапово (Тарский район Омской области), арестовали по доносу 15 октября 1937 г. Тройка при НКВД по Омской области приговорила его по статье 58 УК РСФСР к расстрелу [8, с. 421]. Рано или поздно все тайное становится явным. Прошли годы, и его внук Асхат Иноятов узнал, что на его деда написал ложный донос односельчанин. В своих воспоминаниях А. Иноятов написал: «Человек рождается ни плохим, ни хорошим, добра и зла у него 50 на 50. Какая половина возобладает? Про человека, который уже в зрелом возрасте имеет больше «зла», говорят: «В него сатана вселился». Таким «сатаной» и был тот подлец-доносчик» [9].

В Новосибирской области в Карасукском районе (Карасартковский сельсовет) 22 января 1938 г. по ложным доносам были арестованы казахи Куйчубаев Авсыздык Жайлибаевич (аул Жана Курлыс) и Мажиров Амергали Макашевич, которых обвинили в участии в контрреволюционной повстанческой организации. Тройка УНКВД Алтайского края приговорила их к 10 годам лишения свободы [10, с. 167, 185].

Советская система имела доносчиков практически в каждом трудовом коллективе. Не оставались без наблюдения и массовые мероприятия, даже бытовые (свадьбы, дни рождения, юбилеи и т.д.). Доносчики черпали информацию в момент откровенных дружеских бесед со своими приятелями, друзьями, родственниками и доносили об этом на них в ОГПУ-НКВД. Так, на Кажимукана Мунайпасова, казаха, спортивного борца с мировым именем, победившего на международном турнире (1911 г.) японского чемпиона, награжденного орденом «Золотого льва и Солнца» принцем Персии за победу над персидским чемпионом, завоевавшего (до 1917 г.) 48 золотых, серебряных и бронзовых медалей, друга и соперника русского богатыря Ивана Поддубного, был написан донос. Автором его был приятель (фамилия в документе не указана) К. Мунайпасова, знакомый ему

с 1932 г. В доносе было сказано, что Кажимукан является членом партии «Алаш-Орда». Во время одной из бесед он заявил, что «Алаш объединяет всех передовых казахов, борющихся за благополучную жизнь своего народа, ... что нет такой партии, кроме Алаша, которая бы заботилась о казахском населении, и если ты желаешь добра казахскому народу, то должен быть в этой организации». После этого доноса К. Мунайтпасов подвергся преследованию со стороны органов НКВД. Не дожидаясь ареста, он скрылся и долгое время был вынужден жить вдали от детей и внуков в ауле Чемкентской области [3, с. 288 – 289].

Не миновал доноса и даже бывший секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, которого в конце 1937 г. перевели на работу в Москву, а в 1938 г. — арестовали и подвергли пыткам. Показания против него дал И. И. Алексеев, его приемник на посту секретаря Запсибкрайкома ВКП(б). Он написал, что «Эйхе искусно был обманут врагами и не заметил плотного вражеского окружения, в котором он фактически оказался» [10, с. 420]. На основании свидетельских показаний Р.И. Эйхе в 1940 г. был расстрелян. Очевидно, И. И. Алексеев из-за боязни за свою жизнь решил дать показания против своего бывшего начальника, но это не спасло его. В феврале 1939 г. он был снят со своего поста, арестован и расстрелян [11, с. 235].

Успех следственного аппарата ОГПУ-НКВД во многом зависел от полученных сведений от информаторов и доносчиков, часть из которых была добровольцами, другая же состояла из тех, кто вынужден был согласиться. О напряженности в обществе в то время, создавшейся в результате доношительства, сказал в своих стихах поэт А. Т. Твардовский: «Предай в пути родного брата и друга лучшего тайком...». В 1928–1938 гг. советская система сформировала мощную информационную сеть на основе доношительства, которая прошла три основных этапа: 1928–1930 гг. (период чрезвычайных мер и насильственных хлебозаготовок), 1930–1932 гг. (раскулачивание в период сплошной коллективизации), 1937–1938 гг. (период «Большого террора» массовых репрессий). После прекращения действий «Большого террора» (1937–1938 гг.) роль информаторов и доносчиков в некоторой степени снизилась.

Играя в демократию и справедливость, некоторых из них органы НКВД за дачу ложных показаний приговорили к уголовной ответственности. Однако отлаженная система доношительства в стране продолжала действовать.

Библиографический список

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 2 т. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 1999. — 877 с.
2. Тугужекова, В. Н. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. — Абакан: Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 1998. — 112 с.
3. Бескемширова, А. К. Боль и память / А. К. Бескемширова. — Петропавловск, 2007. — 332 с.
4. Осина. Бюро ячейки окрОНО пассивно / Осина // Красный Алтай. — Барнаул, 1929. — 17 сентября.
5. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 4. — Омск: Кн. изд-во, 2001. — 429 с.
6. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 8. — Омск: Кн. изд-во, 2002. — 407 с.
7. Коньков, Ю. «Неке кыю» — испей чашу судьбы / Ю. Коньков. // Наша газета. — Шербакуль (Омская область), 2006. — 29 марта.
8. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 3. — Омск: Кн. изд-во, 2001. — 447 с.
9. Иноятов, А. Переливы судьбы / А. Иноятов. // Татарский мир. — Омск, 2007. — № 1.
10. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: Сова, 2005. — 436 с.
11. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. / С. А. Папков. — Новосибирск: СО РАН, 1997. — 273 с.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии.

Адрес для переписки: ozerovaolga@bk.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2013 г.

© О. А. Озерова

Книжная полка

Ищенко, В. В. Альманах германской истории. К 100-летию со дня рождения Льва Копелева. Индустриальное общество в Германии и его развитие. Немцы и «Ведомство» / В. В. Ищенко. — М.: Ленард, 2013. — 384 с. — ISBN 978-5-9710-0610-7.

«Альманах» продолжает традиции «Ежегодника германской истории», издававшегося в Институте всеобщей истории РАН. В первом выпуске представлены статьи российских и немецких историков, посвященные Льву Копелеву, проблемам развития индустриального общества, германскому МИДу в период национал-социализма и в первые годы после возобновления его работы в ФРГ. Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей Германии и российско-германскими отношениями.

КОРЕЯ И РОССИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МИГРАЦИЙ В ИСТОРИИ (1860—1990 гг.)

В данной статье автор попытался выделить и проанализировать основные этапы миграционных процессов на Корейском полуострове, определить характер миграций (стихийность или же целенаправленный процесс), а также сгруппировать их по степени реалистичности истории.

Ключевые слова: миграционная политика, история России, корееведение, культура, депортация, национальный суверенитет.

Миграции (от латинского *migratio* — переселение) — перемещение населения. Различают внутренние миграции — перемещения населения внутри страны и внешние — из одной страны в другую.

В политологии миграционную политику определяют как целенаправленную деятельность по регулированию оттока и притока населения в страну, закрепленных в соответствующих документах и правовых актах [1].

Миграционные процессы — постоянное явление на всех этапах человеческой истории. Их масштабы и направления движений обуславливаются конкретными социально-экономическими и политическими условиями. Чаще всего миграции населения были вызваны не одним каким-либо фактором, а целым комплексом их.

Как известно, в последнее время резко возрос интерес к странам Востока, в частности к Южной Корее, которая до недавнего времени оставалась закрытой страной, историю которой недостаточно глубоко изучали в вузах России. В нашу жизнь как-то незаметно вошли слова: Daewoo, LG, Samsung, Hyundai, а ведь в советское время мы только воспринимали японскую технику Sony, Toshiba и т.д. К Корее возрос интерес после 90-х годов, когда в Россию хлынула волна корейских бизнесменов. Началось активное сотрудничество и в сфере общественной жизни. В российские вузы приехало большое количество корейских студентов.

Важное значение для изучения истории русской дипломатии на Дальнем Востоке в конце XIX века имеют исследования советских ученых, особенно А. Л. Нарочинского [2] и Б. Б. Пака [3]. Их работы базировались на архивных документах.

В 80-е годы XX десятилетия заметно возросло внимание историков, искусствоведов, исследователей к внешним и внутренним проблемам Корейского полуострова. Корееведение выделилось в отдельную науку. В России появилось довольно много современных исследователей, таких как Г. Толорая, А. З. Жебин, И. А. Мусимова, А. В. Воронцов, А. В. Пак, К. В. Асмолов [4] и другие.

Началом русско-корейских отношений, первым этапом миграции из Южной Кореи (тогда еще целостной Кореи) в Россию, можно назвать 1864 год. Тогда, после заключения в 1860 г. Пекинского русско-китайского договора, «появилась общая граница между странами длиной всего 14 км, на пограничных территориях возникли поселения из эмигрантов Ко-

реи» [5]. По его условиям Уссурийский край стал территорией России, появились первые русские военные посты в Южно-Уссурийском крае, и тогда на этой территории стали поселяться корейцы — одиночками или группами — в поисках свободных земель. Происходила стихийная эмиграция корейских крестьян на свободные русские земли в Приморье, куда они бежали от голода из гористой северной части Кореи. Корейское королевство в то время было закрытой страной, не разрешавшей контакты с иностранцами. Те, кто перешел границу, считались там государственными преступниками, поэтому обратные корейцы не возвращались, тем более что Россия, испытывавшая дефицит населения, отказывалась их возвращать [6].

В 1882 г. известный корейский реформатор Ким Ок Юн встретился в Токио с консулом России в Японии Р. Розеном и попросил его передать пожелание правительства Кореи подписать договор с Россией. Он же, посетив в конце декабря 1883 г. — начале 1884 г. консула России в Японии А. Давыдова, еще раз передал, что Корея хотела бы подписать договор о дружбе с Россией. 27 июня 1884 г. консул России в Тяньцзине К. Вебер прибыл в Сеул, и уже 7 июля был подписан договор о дружбе и торговле [5, с. 325].

В отличие от подписания договора Кореи с США в 1882 г., которое сопровождалось протестами корейцев, на этот раз в Сеуле не было никаких выступлений [4, с. 55].

Американские же историки и идеологи еще в конце XIX — начале XX вв. выдвигали тезис о том, что свои отношения со странами Азии, в том числе с Кореей, США строили на взаимовыгодной основе, отношения Кореи с Японией до конца Второй мировой войны преподносились как «цивилизаторская миссия». Что касается русско-корейских отношений, вплоть до окончания холодной войны американскими исследователями велась пропаганда традиционного тезиса о русской угрозе в отношении Кореи [7].

На наш взгляд, неблагоприятная или откровенно захватническая политика крупных мировых держав в отношении Кореи позволяет лучше и глубже понять русско-корейские отношения, попытки корейского правительства сблизиться с Россией, с целью сохранить независимость и целостность своей страны.

Автор придерживается мнения, что Россия вплоть до окончательной японской аннексии Ко-

реи проводила политику, в конечном итоге объективно направленную на сохранение национально-го суверенитета и территориальной целостности Кореи, хотя и руководствовалась при этом своими национальными интересами. Российская политика в данном регионе, в отличие от политики Великобритании, Соединенных Штатов и других западных держав, не говоря уже о Японии, по самой своей сути не была направлена ни на расчленение, ни на поглощение Кореи, носила выжидательный характер. Можно сказать, что Российская империя в тот период была заинтересована в сохранении статус-кво, в наличии независимой Кореи в качестве и буферной структуры, противодействующей иностранной (в тот период — прежде всего японской) экспансии в Северо-Восточной Азии, и объекта для своей торговли и инвестиций, и партнера, позволяющего России более эффективно осваивать свои дальневосточные территории.

Япония, осознав, что ее захватнические планы в отношении Кореи и Китая не могут осуществиться без войны с Россией, стала интенсивно готовиться к этой войне. В январе 1904 года началась русско-японская война. В 1905 году Корея была завоевана Японией, в результате чего усилилось бегство корейцев в Россию и Китай. После 1905 года, когда японские колонизаторы взяли Корею под свой контроль, на территорию России стали уходить противники японцев.

В 1910 году Корея была аннексирована Японией. Но можно уверенно сказать, что связи между русскими и корейцами сохранялись. В новых условиях Россия стала не только главным центром сопротивления колонизаторам, но и важным центром корейской культуры. Российский Дальний Восток был одним из немногих мест, где корейцы могли свободно издавать литературу на родном языке, вести просветительскую деятельность и даже заниматься политикой [8]. Однако, на наш взгляд, большинство среди иммигрантов по-прежнему составляли крестьяне нищих провинций северо-восточной Кореи, которых гнали в Россию не столько японские репрессии, сколько обыкновенная нужда. Тем не менее в Приамурском крае ежегодно увеличивался спрос на корейский рис и рогатый скот. Рост товарооборота происходил главным образом за счет ввоза в Россию из Кореи риса и кожевенных товаров. Последние поставлялись по заказам военного ведомства России и предназначались для нужд русской армии. Вынужденная миграция в Россию прекратилась в 1920-е годы — в связи с японской интервенцией на Дальнем Востоке и с ограничениями, введенными правительством СССР после 1922 года на въезд японских подданных.

Следующим этапом автор выделяет 30–40-е годы. В 1930–1940 годах характер двусторонних отношений России и Кореи определялся общим положением в мире. В 1936 году немецкие и итальянские фашисты начали экспансию на западе от границ СССР, а в 1938–1939 годах Германия оккупировала Австрию и Чехословакию. На восточной границе СССР в 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию и летом 1938 года пересекла советскую границу в районе озера Хасан. Корея стала военной базой Японии, где сосредотачивались военные силы и техника. К 1937 году гражданская авиация Японии в Корею имела десять действующих и семь запасных аэродромов, которые могли быть использованы и в военных целях. Помимо этого ряд военных аэродромов и посадочных площадок был создан вблизи

советской границы [9]. Иными словами, с точки зрения российских исследователей, Корея стала военной базой Японии.

В эти годы, в годы сталинских репрессий, прошла массовая депортация корейцев в Среднюю Азию. В 1937 году под предлогом японского шпионажа корейцы были насильно выселены из Дальневосточного края и перевезены в разные регионы Средней Азии. Решение о выселении всех корейцев из приграничных районов и об отправке их в Среднюю Азию было принято ЦК ВКП(б) и Совнаркомом 21 августа 1937 г. [10]. Само переселение прошло осенью 1937 г. Корейцам давали минимальный срок на сборы, а потом грузили в подготовленные эшелоны, по 5–6 семей в товарный вагон. В этих вагонах для перевозки скота и двинулись 170 тысяч корейцев Дальнего Востока в Среднюю Азию, на новое место жительства [8, с. 512]. Эшелоны прибыли туда в начале зимы 1937/38 гг. Первую зиму пришлось провести в наспех построенных землянках, в которых умерло много детей и стариков (треть всех грудных младенцев не пережила той страшной зимы) [8, с. 513]. В это же время японские колонизаторы мобилизовали в Корею более 1 млн населения для использования в войне и тыловых работах. Во время сталинских репрессий в России пострадали многие корейские борцы за независимость, проживавшие в России [11, 12]. В те тяжелые годы они оставались продолжателями совместной борьбы корейцев и русских против японской агрессии. Вся предшествующая история сопротивления японской агрессии сделала неизбежным вступление СССР в войну против Японии. Результатом же Второй мировой войны явилось закрепление на послевоенный период решающей роли СССР в Северной Корее и США в Южной Корее. Страна оказалась расколотой на два лагеря.

После 1950-х годов начинается следующий этап миграций. Тяжелая война 1950–1953 годов не прошла даром для двух Корей. Многие семьи были разбросаны по обе стороны от границы.

Здесь особо стоит сказать о сахалинских корейцах. Они были насильно переселены на Южный Сахалин, бывший тогда японской территорией, в 1920-е–1930-е годы, в качестве рабочей силы. В 1945 году эта территория отошла к Советскому Союзу. Проживавшие там японцы были выселены, а корейцы остались. Тем не менее родившимся до 1945 года не были выданы советские паспорта — они имели статус «бывших подданных Японии», в силу чего возможность поездки за пределы острова была для них ограничена. Гражданство же они получили только после 1970 года.

С углублением перемен в Советском Союзе в конце 80-х гг. в позиции Москвы произошли принципиальные изменения. Российская сторона стала исходить из того, что ситуация в мире и в Корею существенно изменилась.

С переходом в Южной Корее от военной диктатуры к демократическим формам правления пропал основной аргумент, мешавший поддерживать нормальные отношения с этим государством. На Юге в ходе всенародного референдума в октябре 1987 была одобрена новая конституция страны, ограничивающая полномочия центральной власти.

Официально российско-корейские дипломатические отношения были установлены в 1990 году. Но еще в начале 1990-х для поездки в Россию требовалось специальное разрешение МИД Кореи — боялись коммунистической пропаганды. Тем не менее

«открытие» России для южнокорейцев вызвало с 1991 года настоящий бум изучения русского языка и культуры. Если раньше для этого ездили в США, то теперь появилась возможность учиться прямо в России. Основной контингент приезжающих в Россию из Южной Кореи составляют студенты. Следующую группу составляют корейские бизнесмены в России. Крупные корейские корпорации «Самсунг», «Дэу», «LG» и некоторые другие имеют представительства в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Нижнем Новгороде, Киеве [13]

С начала 80-х годов, и особенно в последнее десятилетие, меняется сам процесс миграций. Если до 50-х годов происходил миграционный отток населения, то в последнее время в результате стремительного экономического подъема в самой Южной Корее вследствие расширения производства в национальной экономике и резкого повышения оплаты труда, увеличились потребности в дополнительной рабочей силе, возросла трудовая миграция из других стран, в основном это были рабочие, приехавшие из Китая, Пакистана и Филиппин.

В последующие годы привлечение и использование иностранной рабочей силы в южнокорейской экономике стало расширяться. В последнее десятилетие прошедшего столетия сам процесс трудовой иммиграции в Республику Корея развивается по нарастающей линии. Легализация их статуса и предоставление им права на работу являлись предметом ожесточенной дискуссии в стране.

16 августа 2003 г. в Республике Корея был принят Закон «О трудоустройстве иностранцев», согласно которому в 2004 г. была введена новая система, основным моментом которой является выдача разрешений на привлечение иностранной рабочей силы желающим работодателям. Введение в действие этой системы позволило положить конец въезду нелегалов на территорию Кореи и привлекать более квалифицированную рабочую силу. Первыми участницами новой системы стали Таиланд, Шри-Ланка, Вьетнам, Монголия, Индонезия и Филиппины, с которыми Республикой Корея были подписаны двусторонние соглашения. Также были подписаны соглашения со странами СНГ, Узбекистаном, Кыргызстаном.

На иностранных граждан, работающих в Корее, распространяются положения Закона о трудовых стандартах, Закона об охране труда и о минимальной заработной плате. На них распространяются страховка от несчастных случаев на производстве и медицинская страховка.

Итак, подведем итоги.

Миграционные процессы — одна из наиболее актуальных проблем современного мира. Она теснейшим образом связана с самим обществом, с тем, что происходит внутри и вне этого общества. Прежде всего это экономические, политические, демографические, культурные стороны жизни. На протяжении веков миграции, можно сказать, формировались по стихийным, а также по политически регулируемым законам. В то же время они были вызваны не одним каким-либо фактором, а целым комплексом их.

При выработке и реализации российской миграционной политики представляется весьма целесо-

образным изучение опыта — как позитивного, так и негативного — корейской миграции на Дальний Восток и в Среднюю Азию, политики российских властей в отношении корейской диаспоры, всего комплекса общения россиян с корейскими мигрантами и интеграции последних в российское общество в прошлом. Это помогло бы избежать ненужных ошибок и обеспечить большую гармоничность данных процессов, которым, видимо, предстоит повториться на новом витке исторического развития в XXI веке. Все это имеет прямое отношение к международным связям и позициям России в Северо-Восточной Азии, в действительности имеющим большое и растущее геополитическое значение, а именно — перспективам развития демографической ситуации и исходящим извне миграционным процессам.

Библиографический список

1. Общая и прикладная политология : учеб. пособие / Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. — М. : МГСУ ; Союз, 1997. — 118 с.
2. Нарочницкий, А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895 гг. / А. Л. Нарочницкий. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — 362 с.
3. Пак, Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1867–1898) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Б. Б. Пак. — М., 2006. — 35 с.
4. Корея: десятилетие новых возможностей. — М. : ИДВ РАН, 2011. — 35 с. — ISBN 978-5-8381-0198-3.
5. Хань, Ень У. История Кореи: Новый взгляд / Ень У Хан ; под ред. М. Н. Пака ; пер. с корейского. — М. : Восточная литература, 2010. — 323 с.
6. Ким, Г. Ф. СССР и Корея / Г. Ф. Ким. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1988. — 12 с.
7. Syngman Rhee. Japan Inside Out: The Challenge of Today, 2nd Ed. — New York : Fleming H. Revell Co., 1941. — P. 188–190.
8. Ланьков, А. Н. Быть корейцем... / А. Н. Ланьков. — М. : АСТ: Восток-Запад, 2005. — 508 с.
9. Яровой, В. Корея, военный плацдарм японского империализма / В. Яровой. — М., 1939. — 38 с.
10. Платунов, И. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.) / И. И. Платунов. — Томск, 1976. — С. 259–260.
11. Салимов, Х. С. Население Средней Азии / Х. С. Салимов. — Ташкент, 1975. — 15 с.
12. Арифханов, З. Х. Изменения в национальной структуре населения Средней Азии и их взаимодействие на миграционные процессы в период построения социализма / З. Х. Арифханов // Общественные науки в Узбекистане. — 1982. — № 6. — С. 26.
13. Лаптев, С. Демографическая угроза или упущенный шанс? Выходцы из Восточной и Юго-Восточной Азии в России / С. Лаптев // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 5. — С. 40–44.

РОВЕНСКИХ Анжела Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: angelroven@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.08.2013 г.

© А. А. Ровенских

ОПЫТНО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена рассмотрению истории создания и деятельности опытно-показательных хозяйств как одной из организационно-внедренческих форм. Подчеркивается влияние субъективных факторов на процесс интеграции науки и производства в сельском хозяйстве в рассматриваемый период.

Ключевые слова: опытно-показательные хозяйства, внедрение, Западная Сибирь, СССР.

В истории советской сельскохозяйственной науки в целях укрепления ее связи с производством использовались различные внедренческие формы. В предвоенные годы, когда решались задачи индустриализации страны, в сельском хозяйстве основной акцент был сделан на насыщение производства новыми сортами сельскохозяйственных культур и породами животных, и для этих целей создается сеть семеноводческих и племенных хозяйств. В той конкретно-исторической обстановке это был наиболее дешевый, доступный и эффективный путь повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. И результаты не замедлили сказаться. В это время было сдано в производство и районировано 29 сортов сельскохозяйственных культур. Новые сорта давали возможность хорошо поставить и развернуть семеноводческую работу, прежде всего по зерновым культурам. Они обеспечивали повышение урожайности по сравнению с лучшими из имеющихся сортов на 15–20% и заняли значительные посевные площади. Некоторые из них длительное время были широко представлены в производстве [1].

Однако эти позитивные процессы были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной, когда в силу объективных причин были вызваны к жизни процессы архаизации и примитивизации сельскохозяйственного производства. И, как это ни покажется странным, данные процессы имели соответствующее «научное обеспечение». В условиях снижения уровня механизации сельскохозяйственного производства обращалось особое внимание на разработку способов производительности сельскохозяйственного инвентаря простейшего типа. При этом следует иметь в виду, что значительная часть ученых-аграрников была переориентирована на проведение исследований, вызванных военными нуждами [2].

По окончании войны, по мере завершения восстановительных процессов организационно-внедренческие проблемы снова ставятся в повестку дня. В 1950 году в целях организации более стройной и «универсальной» системы внедрения принимается специальное постановление ЦК ВКП(б) «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве», в котором указывалось, что в Министерстве сельского хозяйства отсутствует система, осуществляющая «в масштабах страны плановое внедрение во все отрасли сельского хозяйства разработанных наукой и передовой практикой новых приемов и методов труда» [3]. Поэтому создавалась своеобразная «вне-

дренческая» вертикаль: управления сельскохозяйственной пропаганды в сельскохозяйственных органах различного уровня, от союзного министерства до района. Новая структура выполняла организующую и контролирующую роль, в то время как непосредственно внедрением должен был заниматься научный персонал сельскохозяйственных научных учреждений и аграрных вузов. И главная роль в этом процессе отводилась информационно-просветительской деятельности. Имелось в виду широкое развитие лекционной пропаганды; организация широкого показа достижений науки, колхозного и совхозного производства на областных, краевых и районных выставках; подготовка и издание массовым тиражом брошюр, книг, плакатов, освещающих достижения науки и передовой практики, а также учебных пособий по всем отраслям сельского хозяйства; выпуск учебно-производственных кинофильмов, освещение по центральному и местному радиовещанию достижений сельскохозяйственной науки; широкое использование в целях пропаганды научных достижений печатных средств массовой информации.

Однако отсутствие каких-либо позитивных перемен в сельскохозяйственном производстве свидетельствовало об ограниченности предпринятых мер. Особенно это проявилось в ходе массового освоения целинных и залежных земель, когда в кратчайшие сроки необходимо было решить множество серьезных проблем по отводу, подъему и дальнейшему использованию новых земель. Это имело своим следствием то, что не соблюдались рекомендации ученых по масштабам освоения новых земель, нарушались агротехнические приемы их подъема, освоение новых территорий не учитывало специфику почвенно-климатических условий восточных районов страны. Все это привело к массовому развитию эрозионных процессов и последующему выведению значительных территорий из хозяйственного оборота. Выход из сложившейся ситуации предполагался за счет сочетания традиционных просветительских, пропагандистских подходов к внедрению с «демонстрационными» подходами. Решение этой проблемы облегчалось тем, что в предшествующие годы был накоплен некоторый опыт в данном направлении. При освоении целинных земель ученые широко использовали опытническую деятельность специалистов производства. Также во второй половине 1950-х гг. создаются опытные хозяйства при аграрных вузах и научных учреждениях, равные по размеру колхозу или совхозу обслуживаемой зоны и достаточно

хорошо технически оснащенные. Площади сельскохозяйственных угодий опытных хозяйств были значительно расширены, а начиная с 1959—1960 гг. стала практиковаться передача научно-исследовательских учреждениям крупных совхозов. Наконец, в 1961 г. в СССР создается сеть опытно-показательных хозяйств (ОПХ), которые рассматриваются как основные внедренческие центры на селе. Это был некий советский аналог «демонстрационных ферм», широко известных в развитых странах.

Разнообразие природно-климатических зон страны, необходимость специализации сельскохозяйственного производства потребовали расширения сети показательных хозяйств. Этому вопросу значительное место было отведено в постановлении ЦК партии и советского правительства «О реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР», принятом в феврале 1961 г. [4]. Согласно постановлению, предполагалось создавать опытно-показательные хозяйства как на один район, так и на 2—3 района в зависимости от разнообразия природно-климатических условий и объема работы хозяйства. Организовывались они на базе экспериментальных хозяйств вузов и научно-исследовательских учреждений, лучших колхозов. «Вести хозяйства на высоком научном уровне, обеспечивающем максимальное производство сельскохозяйственных продуктов при наименьших затратах труда и средств на единицу продукции, и служить примером образцового ведения хозяйства для окружающих их колхозов и совхозов района», — так определялись в постановлении главные задачи опытно-показательных хозяйств [4]. В Новосибирской области в 1961 г. было создано 32 опытно-показательных хозяйства, Омской — 34, Кемеровской — 16, Алтайском крае — 43 [5]. Отныне опытно-показательные хозяйства должны были стать основным, главным звеном внедрения научных рекомендаций в сельское хозяйство. Организация ОПХ позволяла сконцентрировать силы ученых на конкретных хозяйствах, повысить влияние науки на производство, довести до каждого колхоза и совхоза через организацию работы опытно-показательного хозяйства последнее слово науки и техники.

Первоочередной задачей по превращению ОПХ в действительно образцовые и показательные хозяйства стало обеспечение тесной связи научных работников и специалистов ОПХ. В Западной Сибири она решалась созданием комплексных бригад ученых различных специальностей и закреплением их за отдельными хозяйствами [6]. Чтобы ОПХ имели возможность осуществлять поставленные перед ними задачи, штат специалистов был увеличен в них в сравнении со штатом обычного хозяйства на 5—10 чел. Важное значение имело создание при опытно-показательных хозяйствах научно-технических советов, включающих ведущих специалистов и передовиков труда колхозов, совхозов и руководящих работников района. Научно-технические советы определяли план внедрения достижений науки и передового опыта, направляли работу по систематическому изучению и распространению практического опыта передовых бригад, звеньев, ферм и отдельных передовиков.

Однако процесс укомплектования ОПХ специалистами оказался достаточно непростым и затянулся во времени. В целом по РСФСР на 1 июня 1961 г. численность дополнительного штата ОПХ составляла только 70 % от утвержденных норм [7]. В Западной Сибири наиболее медленно и неорганизованно

формировались коллективы специалистов ОПХ в Омской области [7]. Важно подчеркнуть, что Омская область имела лучшие условия для решения этой проблемы, поскольку в указанный период являлась центром сельскохозяйственной науки сибирского региона. Здесь находились старейшие в Сибири учебные сельскохозяйственный и ветеринарный институты, а также Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства. Очевидно, что специалисты сельского хозяйства в силу определенных обстоятельств субъективного характера, о которых речь пойдет ниже, не стремились занимать руководящие должности в ОПХ.

Как уже отмечалось выше, ОПХ должны были создаваться на базе лучших хозяйств. В целом по РСФСР было отобрано и утверждено 1804 ОПХ, из них 1017 в совхозах, 114 — в экспериментальных хозяйствах научных учреждений и вузов и 673 — в колхозах [7, л. 178]. Однако на практике нередки были факты, когда местные сельскохозяйственные органы настаивали на создании опытных хозяйств на базе отстающих колхозов и совхозов, не могущих в принципе выступать в роли «показательных». Министерство сельского хозяйства РСФСР стремилось контролировать этот процесс и, в частности, не утверждало создание двух таких хозяйств в Алтайском крае [7, л. 178]. В действительности их количество было более значительным по всем регионам Западной Сибири. Так, реорганизованный в ОПХ совхоз «Колосовский» Омской области из 10 производственных объектов имел 4 неэлектрифицированных. Приведенная информация позволяет заключить, что уровень технической оснащенности сельского хозяйства как страны в целом, так и региона оставался недостаточным, что вызывало трудности в ходе формирования сети ОПХ. Местные органы власти, в свою очередь, стремились «улучшить» ситуацию на подведомственной территории, включая в состав ОПХ отстающие хозяйства в надежде на «повышенное внимание» к ним со стороны вышестоящих структур после реорганизации.

Тем не менее в созданных в регионе со значительными организационными трудностями ОПХ сосредоточивается работа по пропаганде достижений науки и передового опыта, проведению массового обучения тружеников сельского хозяйства передовым приемам и методам труда. Например, в Становском совхозе Омской области в течение 1961 г. было организовано 10 семинаров с работниками сельского хозяйства района, Черемновском совхозе этой же области — 4 семинара по полеводству и 4 — по животноводству [8]. Колхоз «Страна Советов» Алтайского края в 1961 г. посетили 18 экскурсий, племзавод «Овцевод» того же края — 33 экскурсии. С 1962 г. в «Овцеводе» проводились краевые выставки овец и конкурсы стригалей [9].

Экскурсанты и слушатели семинаров в производственных условиях изучали опыт передовиков и новые приемы работы. Специалисты ОПХ совхоза «Путь Ильича» Каменского района Алтайского края в отчете краевому управлению сельского хозяйства так определили задачи своей работы: «Цель наша — образцово поставить полеводство своего хозяйства, чтобы кого это заинтересует, смог бы приехать, посмотреть, изучить, убедиться и применить у себя, а если будет нужна дополнительная помощь, то мы ее всегда окажем, выезжая в хозяйство [9].

Примером активной роли опытно-показательного хозяйства в пропаганде и внедрении достижений науки и передового опыта в широкую сельскохозяй-

ственную практику может служить деятельность Чистюньского совхоза Топчихинского района Алтайского края. В течение лета 1961 г. в совхозе было проведено 6 семинаров по проблемам агротехники возделывания сельскохозяйственных культур. Осенью здесь был организован кабинет передового опыта для обучения работников хозяйств своей зоны. Были организованы выступления в районной газете и по радио, подготовлены листовки об опыте работы новаторов и распространены в районе, прочитаны лекции. В итоге проведенных мероприятий в совхозах и колхозах района началось освоение пойменных земель. Производственный опыт Чистюньского совхоза ускорил проведение внутрихозяйственной специализации в окружающих хозяйствах [10].

Однако внедренческая работа опытно-показательных хозяйств оказалась недолгой. Нам не удалось найти специальный документ о ликвидации ОПХ, но после 1962 г. в архивах практически исчезает информация о деятельности опытно-показательных хозяйств. Бесспорно, что в сельскохозяйственной отрасли произошли некие серьезные изменения, которые заставили чиновников отказаться даже от упоминания ОПХ в своих отчетах. Вероятно, формально они были ликвидированы в 1964–1965 годах, когда отменяются многие инициативы Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству.

Очевидно, что организационные трудности в процессе формирования сети ОПХ являлись далеко не главной причиной последующего оперативного свертывания их деятельности. Важно понять, что ОПХ и не могли выступить в роли «показательных» хозяйств, поскольку изначально им была отведена подчиненная, а отнюдь не главная роль в формируемой Н. С. Хрущевым жестко административной системе «ускоренного» внедрения научных рекомендаций в производство. Планировалось «создание четкой системы в деле внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» посредством постановки деятельности в данном направлении на «плановые основы», придания ей «обязательного характера, силы закона» [11]. Осуществляемые в это время разработка и принятие новой Программы КПСС, в которой было заявлено о переходе к непосредственному построению коммунистического общества, требовали «превращения науки в непосредственную производительную силу». В этих целях руководящие сельскохозяйственные органы, начиная с министерств сельского хозяйства союзных республик, научных учреждений и вузов, намечается перевести в сельскую местность, в края и областях проводится объединение соответствующих отделов научно-опытных учреждений с производственными управлениями сельского хозяйства.

Рубеж 1950-х – 1960-х годов характеризуется насаждением в производство многочисленных скоропелых рекомендаций науки производству, причем инициатива нередко исходила не от ученых (хотя и они не оставались в стороне), а от представителей высшей власти страны. Наиболее вредным для сельского хозяйства нашего региона оказалось внедрение так называемой «пропашной системы» земледелия. Познакомим читателя с тем, как это было.

Как известно, традиционно важнейшим средством поддержания почвы на должном уровне и борьбы с сорняками являются чистые пары. Однако в 1958 г. под впечатлением китайского опыта, где сельское хозяйство ведется практически без паров, Н. С. Хрущев обратился к ученым-аграрникам с предложением попытаться осуществить подобный

эксперимент в нашей стране. Естественно, что подобная просьба была воспринята как руководство к действию. Реализацию замысла Н. С. Хрущева взял на себя Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, в тематический план которого в том же 1958 г. была включена тема: «Эффективное и рациональное использование земли». Руководителем темы стал директор института Г. А. Наливайко. В угоду высокому начальству для получения быстрых результатов работа велась с нарушением методики опытной работы. Проводились, как правило, однолетние опыты в ущерб более длительным опытам в севооборотах и при многократной повторности. В Алтайском научно-исследовательском институте также отказались от мелкоделяночных опытов и «исследования» проводились сразу же на обширных площадях. В результате уже в 1959 г. на страницах центральной печати сотрудники института выступили с пропагандой «пропашной системы» земледелия, в основе которой ликвидация чистых паров и их замена парами занятыми с посевами пропашных культур, таких как кукуруза, бобовые и пр. [12]. На всю страну было заявлено, что «пропашная система» земледелия с занятыми парами позволяет получать продукции растениеводства в 2–3 раза больше, чем при травопольной системе земледелия или в севооборотах с чистыми парами. По сути дела, исследовательская работа носила чисто формальный характер, данные подгонялись под заранее определенный результат. Вот отрывок из «научной» статьи одного из адептов «пропашной системы»: «В 1960 г. в Кулундинской степи кормовые бобы высевали впервые. И, несмотря на это, даже данные одногодичных наблюдений дают полное основание говорить, что кормовые бобы и здесь станут основной бобовой культурой для получения высокобелкового корма для скота, для занятого пара и лучшим предшественником яровой пшеницы» [13]. Важно подчеркнуть, что при разработке «пропашной системы» проблемы сохранения и восстановления плодородия почвы не ставились вовсе, а исходным положением, по словам Г. А. Наливайко, считался «непрерывный рост производства в целях быстрого создания изобилия сельскохозяйственных продуктов в стране». Важно отметить, что тогдашний советский лидер Н. С. Хрущев был совершенно не обеспокоен агроэкологическими проблемами и заявлял следующее: «...Мне хоть бы черт, лишь бы яйца нес... Нам нужна такая система земледелия, которая дает больше хлеба и других продуктов» [14]. Впоследствии, в середине 1960-х гг., деятельность Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства станет предметом рассмотрения высших контрольных органов, когда будут установлены грубейшие нарушения методики опытной работы, а также прямая фальсификация опытных результатов. Но это будет позднее. А пока... в сентябре 1961 г., согласно постановлению коллегии Министерства сельского хозяйства СССР «О перестройке работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству в Западной Сибири», институты и опытные станции региона обязаны были сконцентрировать внимание на «разработке рациональной структуры посевных площадей с решительной заменой чистых паров занятыми и значительным расширением посевов бобовых культур» [15]. Несколькими месяцами спустя на совещании работников сельского хозяйства Сибири в ноябре 1961 г. Н. С. Хрущев поддержал «пропашную систему» земледелия, призвав внимательно изучить

и использовать опыт Алтайского института, одновременно и высказавшись и за сохранение чистых паров, но только в качестве переходного звена к новой системе [14, с. 32]. И после этого «пропашная система» была воспринята как «передовая» сотрудниками других сибирских научно-опытных учреждений и с весны 1962 г. насаждается на территории всего региона. Практически ликвидируются чистые пары (на Алтае, например, чистые пары в 1962 г. составляли менее 1 % от площади пашни), и, как следствие, снижается плодородие почвы, поля зарастают сорняками, резко снижается урожайность. В частности, в совхозах и колхозах Кулундинской степи Алтайского края в 1962 г. средняя урожайность сельскохозяйственных культур составила 5,2 ц/га, а в 1963 г. — 1,4 ц/га [16].

«Пропашная система» земледелия, приведшая к столь плачевным результатам, являлась не единственной рекомендацией производству по своим негативным последствиям. Вот как описывает ситуацию этого времени директор реорганизованного в ОПХ омского совхоза: «С самой высокой трибуны говорили: увлеклись многолетними травами, недобираете много продукции. И тут же наготове была рекомендация: распахивайте поля, засевайте кукурузой, в пять раз больше будете брать кормовых единиц с гектара. Распахали травы, засеяли кукурузу. У нас самый высокий урожай зеленой массы в районе, да и по области в числе передовых ходим... Завалили своих коров кукурузным силосом, а молока они дают все меньше и меньше. Тогда нам снова говорят: этой самой «королеве» надо добавить «короля», т.е. кормовых бобов, чтобы белка было в норме. Мы первыми в области освоили выращивание бобов, и опять самый высокий урожай у нас. На экскурсию людей возят, показывают, как умело мы освоили все новшества. Только что толку? Урожай хороший, а корм из смеси кукурузы с бобами коровы не едят... Много в нем оказалось вредных кислот. Лучших коров угробили, пришлось на мясо сдавать... А теперь возьмите эти «елочки» и «карусели»... Опять мы первыми подхватили начинание, поломали отлично налаженное производство» [17].

Становится понятным, что первыми жертвами этих «рекомендаций» стали как раз опытно-показательные хозяйства. Они были ликвидированы повсеместно, за исключением Белорусской ССР, где положительно себя зарекомендовали. Ученые и производственники в последующем поднимали вопрос о восстановлении сети ОПХ, но он так и не был ре-

шен. История создания, деятельности и ликвидации опытно-показательных хозяйств свидетельствует о вреде властного администрирования в руководстве наукой и внедрением.

Библиографический список

1. Курцев, И. В. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Сибири (в прошлом — на рубеже веков — в будущем) / РАСХН. Сиб. отд-ние. СибНИИЭСХ. — Новосибирск, 2001. — С. 41.
2. Рычков, А. В. Аграрная наука Сибири — фронту и тылу / А. В. Рычков // Культурологические исследования в Сибири. — 2010. — № 1 (31). — С. 45–49.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание восьмое. В 15 т. Т. 6. — М.: Политиздат, 1971. — С. 219.
4. Сельская жизнь. — 1961. — 21 февраля.
5. Исторический архив Омской области (ИаОО). Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2885. Л. 96, 127, 184, 199.
6. ИаОО. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2856. Л. 71.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 310. Л. 50.
8. ИаОО. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2950. Л. 77.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 569. Оп. 12. Д. 179. Л. 19–20.
10. Колупаев, К. Год работы опытно-показательного хозяйства / К. Колупаев. — Барнаул: Б.и., 1962. — С. 34–35.
11. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 397. С. 58.
12. Сельское хозяйство. — 1959. — 1 декабря.
13. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1961. — № 6. — С. 11.
14. Богатства земли — на службу Родине: материалы совещания работников сельского хозяйства Сибири 25–26 ноября 1961 г. в Новосибирске. — М.: Политиздат, 1962. — С. 23.
15. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
16. ГААК. Ф. 569. Оп. 12. Д. 190. Л. 145.
17. Манякин, С. И. Сибирь далекая и близкая / С. И. Манякин. — М.: Политиздат, 1985. — С. 47.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: koi-omgtu@bk.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2013 г.

© А. В. Рычков

Книжная полка

Саломатин, А. Ю. Всемирная история государства и государственного управления: учеб. пособие / А. Ю. Саломатин. — М.: Норма, 2013. — 287 с. — ISBN 978-5-91768-401-7.

Учебное пособие для магистрантов посвящено эволюции государства во всемирно-историческом масштабе в эпохи доиндустриального, индустриального и постиндустриального развития. Рассмотрены различные государственные модели, в том числе в сравнительной перспективе, изложен опыт управления многих государственных деятелей.

ХАРАКТЕРИСТИКА РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1953—1964 гг.

Характеризуются цели, задачи, структура, профессиональные, деловые качества, образовательный уровень руководящих работников сельского хозяйства в хрущевский период, назначаемых, утверждаемых на свои должности правительством СССР, местными органами власти. В состав руководящих работников в сельском хозяйстве в исследуемый период входили: партийная, советская номенклатура, хозяйственники — председатели колхозов. В статье рассматриваются именно названные категории управленцев в связи с их значимостью в руководстве и исполнении государственных задач в сельскохозяйственной отрасли экономики.

Ключевые слова: сельское хозяйство, номенклатура, руководящая элита.

Одним из решающих факторов подъема сельскохозяйственного производства в исследуемый период являлся субъективный: деятельность управленческой элиты всех уровней. Организаторская работа по претворению в жизнь государственных плановых заданий в сельском хозяйстве, а также обязательств, принятых тружениками на местах, являлась основной функцией руководителей. Процесс руководства обещал быть успешным при условии сотрудничества руководства и работников: «Руководить сегодня — значит быть в гуще масс, в рабочих коллективах, знать их нужды, поддерживать все новое, передовое, непримиримо относиться к недостаткам в работе, всемерно помогать работающим подняться до уровня передовиков» [1, с. 1].

Деятельность руководителей сельского хозяйства всех уровней в период «оттепели» приходится на время изменений в условиях труда, внимания государства к социальным и культурным проблемам, строительству и электрификации в сельской местности. В исследуемый период руководящий состав столкнулся с проблемами демократизации управления и необходимостью разбираться и представлять региональные интересы на государственном уровне. Выросла самостоятельность областных и краевых руководителей в принятии хозяйственных решений, их внимание сосредотачивалось не только на развитии производственной, но и социальной сферы. Рамочным условием их деятельности по-прежнему, как и в сталинский период, оставался партийный подход; прерогатива назначения на высшие региональные посты оставалась за ЦК КПСС [2, с. 5].

Вместе с тем назначаемые, утверждаемые после формального избрания кандидатуры, несмотря на номенклатурный характер, в большинстве своем в процессе деятельности выполняли поставленную перед ними государственную задачу — разностороннее развитие сельского хозяйства. Впервые сельскому хозяйству было уделено внимание как к отрасли с занятым в ней населением.

Высшим руководящим органом областной партийной организации в исследуемый период являлся

областной комитет (обком) КПСС. Среди отделов обкома партии имел место сельскохозяйственный отдел. В 1963—1964 гг. областные комитеты партии были разделены на промышленный и сельский. Роль первого секретаря обкома была решающей в принятии важных задач в развитии всех отраслей региона [3, с. 10—11].

Так, Омский обком партии, как и другие областные комитеты, в 1953—1964 гг. состоял из 12 отделов:

- партийных, профсоюзных и комсомольских кадров;
- пропаганды и агитации;
- науки и культуры;
- школ;
- тяжелой промышленности;
- транспортный;
- легкой промышленности;
- сельского хозяйства;
- административных и торгово-финансовых органов;
- финансово-хозяйственный сектор;
- особый сектор (вел переписку с ЦК КПСС);
- партийная комиссия [3, с. 12].

Во время разделения на промышленные и сельские (1963—1964 гг.) обкомы КПСС они состояли из 7 отделов. Так, сельский включал в себя:

- отдел партийных, профсоюзных и комсомольских кадров;
- идеологический;
- промышленно-транспортный;
- административных и торгово-финансовых органов;
- сельскохозяйственный;
- особый сектор;
- парткомиссия [3, с. 13].

Первые секретари обкомов в Западной Сибири были выходцами из различных регионов европейской части СССР, в большинстве своем не были сибиряками. Коренных сибиряков, в свою очередь, также не назначали советскими и партийными руководителями в центральные области советского государства, оставляли работать в сибирском регионе. Обобщенный послужной список — карьерный путь

профессиональных управленцев — советских и политических (председатель облисполкома, секретарь обкома КПСС) выглядел следующим образом: после окончания общеобразовательной школы поступали либо на работу, либо в вуз, где вступали в ряды ВЛКСМ, что, в свою очередь, вовлекало будущую номенклатурную единицу в общественную работу; комсомольцев-активистов могли избрать делегатами на партийные конференции; в 30-е годы — вступление в члены ВКП(б), что являлось необходимым шагом для получения первой партийной должности (практически все прошли путь секретарей (первых, вторых, третьих) райкомов и обкомов ВЛКСМ и ВКП(б) и основанием для некоторых из них для направления на учебу в Высшую школу парторганизаторов либо в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б); а далее ЦК осуществлял своеобразное распределение — направлял выпускников работать на ответственные должности; нередко номенклатурные работники такого ранга приглашались на короткое время руководить различными отделами при правительстве СССР в Москве, а затем их отправляли снова в регионы [4, с. 166]. Работа в одной должности и в одном регионе длилась часто не более двух-пяти лет, и далее они направлялись ЦК КПСС на другие участки работы и, как правило, в другие регионы [5, с. 20 — 33].

Получив опыт организаторской и управленческой деятельности в различных учреждениях и хозяйствах европейской части СССР, более динамично развивающихся по сравнению с Сибирским регионом; пройдя курсы высшей партийной школы в Москве, они несли с собой масштабность мышления и способствовали развитию региона, в который направлялись на работу, как неотъемлемой части единого государственного хозяйственного механизма. Приезжающий на смену своему предшественнику практически признавал преемственность в развитии, потому что цели и задачи их деятельности совпадали, но вместе с тем начинал далее развивать сельское хозяйство и новые отрасли промышленности региона. Имея правительственные и ведомственные связи, мог решать многие вопросы в центре в пользу региона, знал направления развития страны, имел опыт подобного хозяйствования в других регионах и т.д. Поэтому их идентичность центральной государственной элите вполне обоснована, а боязнь регионализации (местничества) в решении хозяйственных вопросов для исследуемого периода была преувеличенной.

За период «оттепели» областями и краем в Западной Сибири один за другим руководили в среднем три человека. Так, в Кемеровской, Омской, Тюменской областях, Алтайском крае сменилось 3 первых секретаря обкомов и крайкома, в Новосибирской области — 4, в Томской — 2 руководителя. Из 18 первых секретарей обкома трое родились в Западной Сибири и работали руководящими работниками в Сибирском регионе, 15 родились в губерниях и краях европейской части России и работали на руководящих должностях в различных регионах, в том числе и в Сибири (табл. 1).

Исследователь А. Б. Коновалов по поводу кадровой расстановки в предшествующий сталинский период писал следующее: «Послевоенная кадровая политика партии отличалась удивительной продуманностью. В обойму первых секретарей обкомов попали люди, имевшие громадный опыт партийной работы. Вне зависимости от уровня образования (а оно могло быть и средним) партийный лидер реги-

она должен был пройти ступеньки инструктора, заведующего отделом, отраслевого секретаря обкома. За правильностью кадровой поступи следила целая армия партийных кадровиков, которые трудились в Управлении кадров ЦК ВКП(б), а также работники кадров ЦК ВКП(б), а также работники отделов кадров на местах. На каждом уровне власти проводилась тщательная селекция. Далеко не всякий аппаратчик попадал на вершину региональной пирамиды» [6, с. 164].

Смена государственных лидеров Сталин — Хрущев изменит условия функционирования кадровиков: демократизация общественной жизни, возвращение к коллективному принципу управления, но практически не изменит их идеологические, деловые и профессиональные установки и качества. Все три потока первых секретарей обкомов регионов Западной Сибири периода «оттепели» прошли вышеназванные карьерные ступеньки от начала до конца. Традиция присылать на места из центра надежных, зарекомендовавших себя партийных работников станет общей особенностью сталинского и хрущевского периодов [6, с. 165].

Задачи региональной политической элиты были достаточно многогранны, охватывали все стороны общественной жизни:

- социально-экономическое и культурное развитие региона в рамках директив ЦК КПСС;
- организация идеологической работы;
- подбор и расстановка кадров;
- осуществление контроля за исполнением решений, постановлений партии и правительства [3, с. 11 — 12].

Неотъемлемой чертой партийной номенклатуры в исследуемый период становится наличие высшего образования, особенно для первых секретарей обкомов и крайкомов и председателей исполкомов, и наблюдается рост образовательной планки нижестоящих чиновников. Так, в Омской области из 34 первых секретарей сельских райкомов партии (по данным 1954 г.) 31 имел высшее и незаконченное высшее образование, из них — 1/3 специальное сельскохозяйственное образование [3, с. 15]. В то время как в сталинский период приоритетным качествам, оставляющим за собой образовательную планку, являлась политическая благонадежность [7, с. 87].

Как отмечает А. Б. Коновалов, в целом по стране образовательный уровень партийной номенклатуры к середине 1950-х годов выглядел следующим образом: к 1 января 1956 г. высшее образование имели 86 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, 57,3 % секретарей горкомов и городских райкомов, 28,2 % секретарей сельских райкомов партии (в 1952 г. соответственно 67,7 %, 40,2 %, 12,9) [7, с. 88]. В областях Западной Сибири данные показатели были ниже: среди первых секретарей обкомов за исследуемый период высшее образование имели 14 из 18 руководящих работников, т.е. 77,8 % [8, с. 564, 565, 603 — 605, 618, 620].

В Кемеровском обкоме партии также происходит рост образовательного уровня среди инструкторов с 16,7 % в 1953 г. до 90,6 % в 1964 г. Растет удельный вес работников со средним специальным образованием среди заведующих отделами горкомов и сельских райкомов соответственно — с 13 % в 1955 г. до 37,9 % в 1965 г. и с 15,8 % в 1955 г. до 50 % в 1965 г. [7, с. 89 — 90].

Советские органы власти, как и партийные, связанные с управлением сельским хозяйством, также имели громоздкий штат и практически идентичные

Первые секретари обкома КПСС (Западная Сибирь)
 [2, с. 34, 37, 40, 42], [6, с. 121, 160, 205, 206], [8, с. 564, 565, 603–605, 618, 619, 625–627].

№/№	ФИО, годы жизни, годы пребывания в должности, область.	Где родился и где получил управленческий опыт до назначения в область.	Образование
1.	И. К. Лебедев: (1907 – 1972), (1952 – 1955), Омская область	Родился в Самарской губернии. Работал: в Сталинградском, Приморском краях, Татарской АССР, Латвии, в Пензе.	Академия социалистического земледелия.
2.	Е.П.Колуцинский: (1902 – 1973), (1955 – 1961), Омская область	Родился в Самарской губернии. Работал: в Новокузнецке, Нижне-Волжском крае, в Чечено-Ингушской АССР, Красноярском крае.	Саратовский государственный университет (2 курса)
3.	С. И. Манякин: (1923 – 2010), (1961 – 1987), Омская область.	Родился в Ставропольском крае. Работал: в Ставропольском крае.	Буденновский сельскохозяйственный институт.
4.	М. И. Гусев: (1903 – 1979), (1952 – 1955), Кемеровская область.	Родился в с. Залари Иркутской губернии. Работал: в Горно-Шорском районе Западно-Сибирского края, в г. Томске, Прокопьевске.	Томский технологический институт.
5.	С. М. Пилипец: (1912 – 1989), (1955 – 1960), Кемеровская область.	С. М. Пилипец родился в с. Краснополье Ахтырского уезда Харьковской губернии (впоследствии Краснопольского р-на Сумской области Украинской ССР). Работал: в Сумской обл. УССР, г. Челябинске, Магнитогорске, Брянске.	Высшая партийная школа при ЦК КПСС.
6.	Л. И. Лубенников: (1910 – 1988), (1960 – 1963), Кемеровская область.	Родился в 1910 г. в д. Фоминовке Славяно-Сербского уезда Екатеринославской губернии (ныне Антрацитовский район Луганской области Республики Украина). Работал: в Саратовской области, в Минске, Карелии.	Всесоюзный Саратовский агропедагогический институт.
7.	Н. И. Беляев: (1903 – 1966), (1943 – 1955), Алтайский край.	Родился в 1903 г. в с. Кутерем Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Республика Башкортостан). Работал: в Башкирской АССР, в Западной Сибири.	Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.
8.	К. Г. Пысин (1910 – 1984), (1955 – 1961), Алтайский край.	Родился в 1910 г. в д. Екатериновке (ныне Уинский район Пермской области). Работал: в Перьми.	Пермский сельскохозяйственный института.
9.	А. В. Георгиев: (1914 – 1976), (1961 – 1963 г), Первый секретарь сельского крайкома КПСС (1963 – 1964), Алтайский край.	Родился в 1914 г. в с. Ровное Новоукраинского района Кировоградской области. Работал: в Алтайском крае.	Всесоюзный сельскохозяйственный институт.
10	И. Д. Яковлев: (1910 – 1999), (1949 – 1955), Новосибирская область.	Родился в 1910 г. в с. Саввушка Змеиногорского уезда Томской губернии. Работал: в Новосибирске.	Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).
11	Б. И. Дерюгин: (1916 – 1979), (1955 – 1957), Новосибирская область.	Родился в 1916 г. в г. Можга, ныне Республика Удмуртия Работал: в Удмуртской АССР.	Томский индустриальный институт им. С.М. Кирова.
12	Б. Н. Кобелев: (1915 – ? г.), (1957 – 1959), Новосибирская область.	Родился в 1915 г. в г. Петрограде. Работал: в Иркутске.	Высшая партийная школа при ЦК КПСС.
13	Ф. С. Горячев: (1905 – 1996), (1959 – 1963), первый секретарь сельского обкома КПСС (1963 – 1964), Новосибирская область.	Родился в 1905 г. в д. Полибино Алатырского уезда Симбирской губернии (впоследствии Поречский район Чувашской АССР). Работал: в Башкирской АССР, в г. Пензе, Тюмени.	Казанский ветеринарный институт.
14	В. А. Москвин: (1910 – 1969), (1951 – 1959), Томская область.	Родился в 1910 г. в поселке Абаканского завода, ныне Таштыпского района Республики Хакасия. Работал: в г. Кузнецке, Кемерово.	Кузнецкий металлургический техникум.
15	И.Т. Марченко: (1908 – 1972), (1959 – 1965), Томская область.	Родился в 1908 г. в г. Брянске. В партии ВКП(б) с 1929 г. Работал: в г. Брянске, Ленинграде, Великие Луки.	Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта

16	Ф. С. Горячев: (1905 – 1996), (1951 – 1955), Тюменская область	См. Ф. С. Горячев Новосибирская область См. (Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945 – 1991) / А.Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 636 с. – С. 625)	
17	В. В. Косов: (1910 – 1996), (1955 – 1961), Тюменская область.	Родился в 1910 г. в станции Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. Работал: в Нижневолжском крае, Эстонии, гт. Свердловске, Новосибирске.	школа I, II ступеней
18	Б. Е. Щербина: (1919 – 1990), (1961 – 1963), 1963 – 1964 – первый секретарь сельского обкома КПСС. Тюменская область.	Родился в 1919 г. в поселке Дебальцево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне г. Дебальцево Донецкой области Республики Украина). Работал: в гт. Харькове, Иркутске.	Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта.

цели: превращение сельского хозяйства в ближайшем обозримом будущем в образцовую многоотраслевую рентабельную отрасль народного хозяйства. К примеру, областные управления совхозов Министерства совхозов РСФСР формировались вслед за созданием министерства в 1955 г. Их основными целями управления, что касалось хозяйственного развития являлись, по крайней мере, две: а) обеспечение своевременного выполнения и перевыполнения каждым совхозом, предприятием и хозрасчетной организацией учрежденных для них планов производства, сдачи продукции государству и накоплений; б) превращение каждого совхоза в образцовое высокотоварное и рентабельное социалистическое хозяйство, путем развития многоотраслевого хозяйства, правильного и полного использования земель и получения максимального количества продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий при наименьших затратах труда и материальных средств на единицу продукции [9, л. 2].

Для достижения названных целей, на областные управления совхозов возлагались задачи по руководству и контролю производственной, хозяйственной, финансовой деятельностью, подбору, подготовке и воспитанию кадров рабочих, специалистов и служащих, организацией труда, закреплением производственной и трудовой дисциплины, инициированием социалистического соревнования. Руководство управлением осуществлялось начальником, назначенным министром совхозов РСФСР [9, л. 2 – 4].

Структура областного управления сельского хозяйства при исполкомах областных Советов депутатов трудящихся в 1955 г. выглядела следующим образом (на примере управления сельским хозяйством исполкома Тюменского областного Совета депутатов трудящихся):

На государственном бюджете.

- 1.Руководство.
2. Северно-Западное управление МТС.
3. Восточное управление МТС.
4. Главная инспекция по растениеводству.
5. Главная инспекция по животноводству.
6. Главная инспекция по механизации.
7. Отдел подбора и подготовки кадров.
8. Управление лесного хозяйства.
9. Оргколхозный отдел.
10. Отдел сельхозпропаганды и науки.
11. Отдел капитального строительства.
12. Ветеринарный отдел.
13. Отдел землеустройства.
14. Отдел по карантину, защите растений и КСЛ.

15. Планово-финансовое управление.
 16. Центральная бухгалтерия.
 17. Отдел охоты.
 18. Отдел водного хозяйства.
 19. Административно-хозяйственный отдел.
На хозяйственном расчете.
 - 1.Управление материально-технического снабжения.
 - 2.Управление ремонтных предприятий.
 - 3.Управление инкубаторно-птицеводческих станций.
- Всего 134 штатные единицы, с общей суммой окладов в 102050 руб. При этом не менее 55 должностей, т.е. 41 % дублировались, а именно должности: главный инженер — инспектор, главный агроном — инспектор, главный зоотехник — инспектор, старший инженер — инспектор, старший агроном — инспектор, старший зоотехник — инспектор, старший инспектор, старший агроном, старший инженер, главный инженер [9, л. 68 – 73].

Непосредственное участие в производстве в ходе проведения контроля над исполнением намеченных заданий осуществляли инспекторы организаторы, инструкторы колхозно-совхозных управлений (созданных в регионах на основании постановлений обкомов и крайкомов в соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства сельским хозяйством»), которые непосредственно подчинялись обкому и, следовательно, выражали волю партийной региональной элиты. Данная категория управленцев проводила совместные по районам совещания, выявляла отставные хозяйства и причины их отставания, а затем отправлялась на места и проводила организаторскую работу по устранению этих недостатков, причем принимала личное участие в производственном процессе, а не просто указывала на недостатки, тем самым оживляла производственный процесс конкретного хозяйства.

Так, Н. Иванов — инспектор-организатор Барабинского колхозно-совхозного управления Новосибирской области отмечал: «До апреля этого года я и мой товарищ Ф. М. Сизов работали пропагандистами Убинского райкома партии. Сейчас мы тоже живём в Убинском, но работаем в Барабинском колхозно-совхозном управлении. Я инспектор-организатор, он инспектор при парторге обкома. Вместе с нами трудится Н. А. Козлов — еще один инспектор-организатор, в прошлом работник райисполкома.

С чего начать? Как вести себя? Такие вопросы встали перед нами в первые дни работы. Совещан-

лись, собирались вместе. Пришли к выводу: ехать туда в первую очередь, где дела идут хуже. Я направился в колхоз им. Ильича. Это хозяйство отстающее, получало низкие урожаи... Изучил структуру посевных площадей, осмотрел технику. Вскрылось много недостатков: зерновые и кукурузные сеялки отремонтированы на скорую руку. Я вызвал механика и потребовал сделать все как надо. Перед выездом в поле провел перед механизаторами совещание. Они слушали внимательно, кое-что записывали в блокноты... Выступил агроном. Он ознакомил людей с производственным планом, тут же назначили общественных инспекторов по качеству и договорились о соревновании....

В колхозе «Красное знамя» кукурузоводы тт. Бондарь и Троцук начали сеять «королеву» рядовым способом. Обнаружив это, Сизов остановил бракоделов. Те начали оправдываться: мол, ничего не можем поделать, мерная проволока рвется. Алексей Михайлович сам отрегулировал узлоуловители, и дело пошло» [10, с. 68 – 72].

Руководящие работники и специалисты получали ежеквартальные премии за выполнение и перевыполнение планов производства и сдачи сельскохозяйственной продукции государству по разным категориям: зерна, шерсти, молока, вспашки зяби в установленные сроки [9, л. 91 – 93]. Так, премии по Алтайскому зерноживотресту Главного управления совхозов Западной Сибири за выполнение и перевыполнение плана валового сбора и сдачи зерна государству (за 1954 г.) в 1955 г. составляли:

- директору треста — 7800 руб.
- заместителю директора — 5445 руб.
- главному агроному — 4050 руб.
- главному инженеру — 3330 руб.
- старшему агроному — 2160 руб.
- старшему инженеру — 2664 руб.
- начальнику планового отдела — 3120 руб.
- главному бухгалтеру — 3120 руб. [9, л. 91].

В то время как рядовой колхозник за год по трудностям в 1957 г. получал примерно 1 989 руб. или 167 руб. в месяц (Расчет автора. По колхозу им. Ворошилова Красноярского с/с Исетского р-на Тюменской области) [11, л. 79], [12, л. 2] плюс заработная плата составляла в среднем от 200 до 300 руб., [11, л. 79], итого 367 — 467 руб. Зарботная плата чиновника в среднем была в 10 раз больше рядового колхозника.

Если учесть, что каждое отдельное сельскохозяйственное предприятие (колхоз, совхоз) практически не выполняли плановые задания в исследуемый период (а выполнялись они за счет ЛПХ, передовиков, кооперативов) смысл содержания таких громоздких управленческих структур терялся. Получив должность со стабильным окладом и квартальной премией (на фоне роста их образовательного уровня) руководящие работники обеспечивали компетентную критику в адрес непосредственных работников, констатировали недостатки в развитии сельского хозяйства, но непосредственное развитие сельского хозяйства как отдельной самостоятельной отрасли уходило на последний план, главной становилась положительная динамика в отчетности по валовым объемам производства.

Должности председателя колхоза, председателя исполкома сельского Совета формально считались выборными и на нее могли претендовать местные или приезжие кандидаты. Фактически эта часть управленческой элиты также являлась номенклатурной — должности занимались только с согласия

районных властей — райкома КПСС и райисполкома [13, с. 210].

Они, с одной стороны, укрепляли трудовую дисциплину, вводили новые формы организации труда. С другой стороны, используя свой авторитет, сознательно нарушали партийные и государственные инструкции, которые, по их мнению, сдерживали развитие производства (это касалось сроков сева, пропорций в посадке сельскохозяйственных культур, сохранения паров, травосеяния, продажи животных колхозникам в большем объеме, чем предполагал Устав сельскохозяйственной артели в целях стимулирования развития животноводства и т.д. [13, с. 205 – 206].

Директора колхозов и совхозов, специалисты сельского хозяйства — зоотехники, ветеринарные врачи, обсуждая вопрос о неотложных мерах по развитию животноводства и увеличению производства молока в колхозах и совхозах, зачастую констатировали недостатки в развитии хозяйства и давали обещания выполнить установленный план по развитию животноводства. Тем самым такая позиция позволяла в диалоге с вышестоящим партийным и советским начальством оставаться перспективными руководителями, знающими недостатки своего хозяйства и. готовыми их исправить в короткие сроки.

Основными недостатками в животноводческой отрасли назывались: нехватка кормов, помещений для животных, нежелание колхозников трудиться в общественном или государственном хозяйстве лучше, чем в личном. Так, главный зоотехник Тюменского производственного колхозно-совхозного управления (начало октябрь 1963 г.) констатировал: «В 1962 г. мы подготовились плохо к зимовке скота. Этот результат оказался на выполнении плана. В этом году зимовка скота будет проходить в трудных условиях ввиду того, что мы плохо заготовили грубых кормов, зерна на фураж не имеем. В связи с этим нам надо подумать, как лучше организовать работу по проведению зимовки скота» [14, л. 58].

Председатели колхозов, требовательные в производственном процессе и не забывавшие о людях пользовались уважением колхозников. По их инициативе возрождались и развивались традиционные сельские институты, разрушенные в период коллективизации: медицина, маслобойки, кузницы, кирпичные и поташные заводы, сады, пасеки, конные дворы [13, с. 206].

Таким образом, личность председателя колхоза определяла состояние производства сельскохозяйственной артели и других сторон жизни деревни. Связано это с тем, как отмечает исследователь В. В. Кондрашин, что существовавшая в досоветский период система общественного самоуправления в период сталинской коллективизации была ликвидирована, и в исследуемый период руках председателя колхоза была сосредоточена реальная власть. Председатель распоряжался практически всеми материальными ресурсами села. Председатель исполкома сельского Совета не имел такой власти и поэтому «находился почти в полной зависимости от руководителя колхоза. Без его помощи и принципиального согласия он был не в состоянии решать проблемы строительства жилья в селе, выделения ... транспорта, топлива, кормов для личного скота и т.п. Отношения председателя колхоза и председателя исполкома сельсовета больше походило на отношения между начальником и подчиненным. Как правило, председатель исполкома назначался с подачи председателя колхоза» [13, с. 209].

Председатель колхоза имел возможность манипулировать работниками и жителями села, особенно теми, кто имел личное подсобное хозяйство, или теми, кто не имел детей, проживающих вместе с родителями (например, пенсионеры), эта категория сельских тружеников сохраняла зависимость в приобретении кормов для личного подворья. На фоне общего дефицита кадров в сельскохозяйственном производстве они давали согласие на необходимые колхозные работы: подмена заболевшего, помощь в уборке урожая, вывоз навоза с фермы на поля в выходной день и т.д. [13, с. 209–210].

Полностью контролировать хозяйственный процесс председателям артелей не удавалось. Поэтому повсеместно распространенными фактами бесхозяйственности отмечаются: оставшийся неочищенный и неподработанный семенной материал зерновых, затяжной характер ремонтных работ сельскохозяйственной техники [15, с. 1], нарушение трудовой дисциплины тружеников — отказ от работы, пьянство, не выход на работу [16, с. 1], запущена племенная и селекционная работа, наблюдается текучесть кадров, часть животных почти ежедневно остаются без присмотра (не кормятся и не доят) [16, с. 3], отсутствие достаточного количества кормов, нехватка свинарников, кошар, коровников — животные содержатся скученно и в грязных помещениях [17, с. 2], не вывезенный навоз к началу весенних полевых работ... [18, с. 2].

Учитывая данные обстоятельства, качественные характеристики руководителя: компетентностный профессионализм, человеческие качества, трудолюбие, уважение односельчан — играли существенную роль в состоянии реального производства. Поэтому этапы колхозного развития в исследуемый период отмечены делами «хороших» и «плохих» председателей. Как правило, после смены одного другим преемственность не соблюдалась.

Выводы. В сталинский период подбор и расстановка руководящих работников осуществлялась в основном по приоритету политических и деловых качеств, в хрущевский образовательный уровень становится неотъемлемой характеристикой чиновника.

Административно-бюрократическая система, дублирующая функции, не действовала как хорошо отлаженный механизм, отсутствовали: реальная выборность, учет местных условий развития, опора на потребности крестьян.

Позиция региональной управленческой элиты была неоднозначной по своему характеру. Контроль за реализацией партийных и государственных решений являлся их непосредственной функциональной обязанностью на местах. Вместе с тем в процессе воплощения в жизнь намеченных сверху целей и задач, взаимодействуя с участниками (крестьянство) и условиями хозяйственного процесса (природные и технические возможности развития) партийная и хозяйственная управленческая элита вынуждена была искать компромисс в сроках и способах решения проблем, отступать от завышенных заданий, учитывать объективные обстоятельства, осуществлять попустительское руководство на местах. При таких обстоятельствах динамика хозяйственных процессов сохранялась, но завышенные плановые задания и обязательства оставались за рамками выполнения.

Утверждение, что управленцы в постсталинскую эпоху не управляли, а только констатировали про-

валы, верно отчасти. Завышенные планы и обязательства могли быть выполнены только при условии напряженной деятельности всех членов сельскохозяйственного производства, а при отсутствии интереса к государственным делам части населения это было невозможно. Местная управленческая элита и специалисты безусловно накопили опыт управления в советский период.

Данная позиция позволяла не заниматься решением вопросов и проблем, а показать свою осведомленность текущих дел и обнадежить руководство исправить недостатки в обозримом будущем. В целом констатация провалов и проецирование на ближайшее время их исправление формировала модель восприятия действительности как перспективной и выглядела примерно следующим образом — «Работа поставлена в этом году хуже, но коллектив приложит все силы, чтобы поправить это положение. Коллектив будет строить свою работу таким образом, чтобы при минимальных условиях, которые имеются в хозяйстве, произвести максимальную продукцию» [14, л. 56, 58].

Библиографический список

1. Развивать совхозное производство // Советская Сибирь. — 1963. — 6 марта. — С. 1.
2. Руководители Омской области советской эпохи (1934–1991 гг.): библиогр. справ. / Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» / Сост. Т. В. Каиндина. — Омск, 2011. — 120 с.
3. Сизов, С. Г. Омск в годы «оттепели»: жизнь города в контексте эпохи (март 1953–1964 гг.): учеб. пособие для студентов вузов / С. Г. Сизов. — Омск: Изд-во СибАДИ, 2003. — 172 с.
4. Руководители Смоленской области (1917–1991 годы): биогр. справ. / Н. Г. Емельянова [и др.]. — Смоленск: ИП Флиманкова И.А., 2008. — 208 с.
5. Руководители Хабаровского края (1938–1998 гг.) / Е. Б. Бакшеева [и др.]. — Хабаровск: РИОТИП, 1998. — 72 с.
6. Коновалов, А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991) / А. Б. Коновалов. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. — 491 с.
7. Коновалов, А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964) / А. Б. Коновалов. — Кемерово: Сибирская книгоиздательская фирма, 2005. — 312 с.
8. Коновалов, А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991) / А. Б. Коновалов. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. — 636 с.
9. ГАТО. Ф. 1769. О. 1. Д. 3. Утвержденное положение об управлении совхозов, штатное расписание и сметы административно-управленческих расходов управления на 1955–1957 гг. — Л. 2.
10. Не указываем, а организуем // Советская Сибирь. — 1962. — 10 июня. — С. 2.
11. ГАТО. Ф. 2196. О. 1. Д. 34. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза им. Ворошилова Красноярского с/с Исетского района Тюменской области. — Л. 79.
12. ГАТО. Ф. 2196. О. 1. Д. 35. Приходно-расходная смета 1957 г. Колхоз им. Ворошилова, Исетского района Тюменской области. — Л. 2.
13. История села Лох / В. В. Кондрашин [и др.] // Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ежегодник. 1997 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. — М., 1997. — 380 с.
14. ГАТО. Тюменское производственное колхозно-совхозное управление. Ф. 247. О. 1. Д. 436 Отдел кадров. Протоколы заседаний Совета управления и документы к протоколам за 1962–1963 гг. — Л. 58.

15. Весна не терпит раскочки // Советская Сибирь. — 1960. — 6 марта. — С. 1.
16. Разве так работают в страду? // Советская Сибирь. — 1960. — 5 октября. — С. 1.
17. Вне поля зрения // Советская Сибирь. — 1963. — 26 февраля. — С. 2.
18. План без учета потребностей // Советская Сибирь. — 1962. — 4 января. — С. 2.

ФЁДОРОВА Марина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), старший научный сотрудник кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: fmi_2005@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2013 г.
© М. И. Фёдорова

УДК 023(09)(571.1)

Т. В. ГЛАЗУНОВА

Омский государственный
технический университет

О МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БИБЛИОТЕК В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Статья посвящена рассмотрению основных проблем материально-технического оснащения библиотек технических вузов Западной Сибири в годы перестройки. Предлагаются возможные пути их устранения. Исследование позволяет глубже осмыслить всю сложность работы во втузовских библиотеках в исследуемый период. Рассчитана на историков, преподавателей, а также интересующихся данной темой.

Ключевые слова: библиотеки, технические вузы, Западная Сибирь.

В годы перестройки материально-техническое обеспечение библиотек являлось одной из наиболее острых проблем. Хотя в соответствии с Положением о библиотечном деле в СССР (1984 г.) вузы были обязаны обеспечивать находящиеся в их ведении библиотеки помещениями, средствами механизации и автоматизации, множительной техникой и др. [1].

Анализ архивных документов позволил выявить следующие проблемы: нехватка помещений, отсутствие в них ремонта, изнашивание оборудования, нехватка средств автоматизации и механизации.

Наглядным примером могут служить приказы ректоров Сибирского металлургического института (СМИ) и Алтайского политехнического института (АПИ). Так, в приказе Сибирского металлургического института от 27.05.1988 г. отмечалось: «В настоящее время в хранилище библиотеки СМИ находится количество экземпляров, значительно превышающее нормы хранения. В результате стеллажи хранилища перегружены, в некоторых местах они деформировались, полы начинают прогибаться. Часть литературы находится в проходах. С течением времени ослабло крепление стеллажей» [2].

В приказе Алтайского политехнического института от 20.06.1991 г. отмечено, что в течение длительного времени работники библиотеки института работали в тяжелых условиях. Среди основных в приказе указывалась высокая концентрация книжной пыли, слабая освещенность помещений, высокая температура стеллажей, отсутствие малой механизации (перенос книг в различные корпуса института вручную, выдача, прием, перенос и расстановка

большого количества экземпляров в год), запах типографской краски новой литературы, отсутствие вентиляции во всех помещениях библиотеки. По причине тяжелых условий нередко возникали различные заболевания сотрудников библиотек [3].

Директором библиотеки Сибирского автомобильно-дорожного института (СибАДИ) Е. С. Игнатенко было отмечено: «Сейчас мы переживаем кризис... Потребность в книге упала. А нужно-то немного: сменить убогую мебель — эти страшные сейфы — этакие символы неприкосновенности, фанерные стулья, на которые опасно садиться, стеллажи, не отвечающие своему назначению, заменить неработающие лампы в читальном зале, отремонтировать там пол. Но самое главное — это помещения, которых катастрофически не хватает... И не удивительно, что читателей на абонементе художественной литературы всего восемьсот человек из тех восьми тысяч, которых обслуживает библиотека. Не возникает большого желания познакомиться с новой книгой в такой неуютной комнате» [4].

В исследуемый период лишь площади библиотек Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КТИПП), Кемеровского политехнического института (КПИ), Новосибирского инженерно-строительного института (НИСИ), Омского института инженеров железнодорожного транспорта (ОмИИТ) и Омского политехнического института (ОмПИ) возросли, вложив в общий фонд развития к 1991 г. 553,5 м².

Наименьшая площадь, принадлежащая библиотеке, наблюдалась в Новосибирском институте ин-

женеров водного транспорта (НИИВТ) и составила 385 м². Самые большие показатели отмечались в Томском политехническом институте (ТПИ) — 10500 м².

Увеличение количества книг в библиотеках привело к другой проблеме. Сложности в работе вызывала также высокая концентрация единиц хранения на 1 м² из-за нехватки площадей. Нормой для библиотеки являлось 400–500 ед. хр. на 1 м² площади.

В 1985 г. общее количество книг в библиотеках технических вузов Западной Сибири составило 15031,9 ед. хр. Средняя же численность единиц хранения на 1 м² была высока и составляла 939,5 ед. хр. В последующие годы количество единиц хранения в технических вузах Западной Сибири стало снижаться. В 1988 г. общее число составило 14917,6 ед. хр. (среднее количество — 932,35 ед. хр. на 1 м²). Самые лучшие показатели отмечались в библиотеке Омский институт инженеров железнодорожного транспорта (ОмИИТ) — 425 ед. хр.

Таким образом, численность единиц хранения на 1 м² в период исследования соответствовала нормативам только в библиотеке Омского института инженеров железнодорожного транспорта. В остальных же вузах нормативы были превышены, при этом самая высокая концентрация отмечалась в библиотеках КПИ и НИИВТ. Причиной сложившейся ситуации была нехватка помещений для хранения книжных фондов. Однако можно отметить тенденцию к незначительному уменьшению численности единиц хранения, что происходило из-за уменьшения пополняемости фондов и планомерной чистки фондов.

Как видно из анализа ситуации, положение дел оставалось неизменным на протяжении многих лет, хотя были со стороны руководителей библиотек попытки исправить ситуацию. Таким образом, сложилась тяжелая обстановка в библиотеках технических вузов, которая затрудняла работу ее сотрудников.

Из-за нехватки помещений в библиотеках также наблюдалось низкое количество посадочных мест в читальных залах. Более того, за период хронологических рамок оно не возросло, а уменьшилось на 564 места. В 1985 г. наибольшее число можно отметить лишь в библиотеке ТПИ (900). Общее количество мест составляло 5275.

Начиная с 1986 г. происходило постепенное снижение общего количества мест. К 1991 г. показатели снизились на 10 % по сравнению с 1985 г. и составило 4711 мест. Самое значительное сокращение количества мест в читальных залах происходило в Томском институте автоматизированных систем управления (ТИАСУР) и радиоэлектроники и Новосибирском электротехническом институте (НЭТИ). В них произошло уменьшение на 200 мест к 1991 г. по сравнению с 1985 г., что составило 29 % в ТИАСУР и 33 % в НЭТИ. Данные изменения в численности мест в читальных залах значительно осложнило ситуацию в этих библиотеках.

Снижение показателей происходило не только из-за уменьшения количества читателей в библиотеках технических вузов Западной Сибири в период исследования, но и по причине снижения общих площадей, выделяемых библиотекам.

Таким образом, подтверждается значительный недостаток количества мест в читальных залах библиотек технических вузов Западной Сибири, что отрицательно сказывалось на книговыдаче.

Анализируя сложившуюся ситуацию с нехваткой площадей для хранения фондов и посадочных мест в читальных залах вузов, можно отметить, что

основной причиной этого являлось недостаточное финансирование. В то же время необходимо отметить парадоксальную ситуацию: когда в самой библиотеке мест в читальных залах не хватало, читальные же залы общежитий посещались плохо или не посещались совсем. Одной из причин этого могло служить недостаточное разнообразие хранящейся там литературы.

Нужно признать, что вышеизложенные проблемы материального положения библиотек в основном упирались в деньги. Например, в библиотеке АПИ к декабрю 1985 г. ассигнования увеличились с 65 тыс. до 99 тыс. руб., в соответствии с чем номенклатура и книгообеспеченность учебной и научной литературой заметно выросла [5]. В последующие годы количества выделяемых денег не хватало. Так, в 1990 г. АПИ было выделено только 25 тыс. руб. По проведенным же библиотекой подсчетам требовалось не менее 40 тыс. руб. Из-за отсутствия денег в библиотеку два месяца не поступала новая литература [6].

Как видим, ситуация с материально-техническим обеспечением библиотек ухудшалась с каждым годом. Нехватка денежных средств сказывалась на работе библиотек: недостаток площадей, устаревшая мебель, нехватка литературы и канцелярских товаров, небольшое количество или полное отсутствие средств механизации и автоматизации и др.

Для улучшения ситуации в связи с недостатком финансирования и удорожания литературы во вузовских библиотеках региона с конца 1980-х гг. стали постепенно внедряться платные услуги.

В соответствии с «Примерным перечнем платных услуг, предоставляемых населению учреждениями культуры и искусства», утвержденными приказом Министерства культуры СССР 19.01.1987 г. № 11, к платным услугам относились:

- консультации, научные справки;
- фотокопирование, репродуцирование, ксерокопирование, микрокопирование;
- составление библиографических списков и справок;
- составление каталогов книг, периодических изданий, рукописей;
- брошюровка;
- ночной абонемент (выдача книг на дом из читальных залов, когда библиотека закрыта);
- коммерческая библиотека (выдача книг из личных собраний читателя за плату или выдача книг повышенного спроса, приобретенных в фонд библиотеки за счет заработанных средств);
- продажа литературы (списанной из фондов по ветхости, дублетной, а также непрофильной литературы) [7].

Одним из примеров внедрения платных услуг в библиотеке вуза может служить введение в Кемеровский политехнический институт в феврале 1991 г. ночного абонемента.

В соответствии с приказом № 5/07 от 18.02.1991 г. библиотеке Кузбасского политехнического института разрешалось вводить ночной абонемент для выдачи изданий из фондов читальных залов. Этим документом также утверждалось положение о его организации, согласованное с главным бухгалтером. Персональная ответственность возлагалась на директора библиотеки, а все вырученные денежные средства предписывалось направлять на развитие материально-технической базы библиотеки [8].

Помимо различных видов платных услуг, в библиотеках технических вузов Западной Сибири в конце

1980-х гг. стала внедряться продажа непрофильной, устаревшей и списанной литературы из фондов. Данная продажа осуществлялась согласно «Положению о порядке организованной продажи населению книг, других произведений печати и иных материалов из библиотечных фондов», утвержденному приказом Министерства культуры СССР и Госкомиздата СССР № 341\294 от 23.08.1988 г. [9].

Например, в библиотеке АПИ за продажу книг в 1985 г. была премирована заведующая отделом библиотеки К.Я. Шефнер в размере 110 руб. Через год за активное участие в распространении общественно-политической и технической литературы «Дом книги» перечислил денежное поощрение в размере шести руб. В результате этого вся сумма была отдана библиотекарю А. Б. Дроздовой [10].

Еще одним видом зарабатывания денег, появившимся в период исследования в библиотеках технических вузов, было копирование. Порядок организации этой работы в библиотеках вузов Западной Сибири разрабатывался в соответствии с приказом Министерства культуры СССР № 11 от 11.01.1987 г. Полученные денежные средства распределялись следующим образом: 50 % — на материально-техническую базу и 50 % — в фонд института [11].

Таким образом, вводимое новшество об оказании платных услуг было разнообразным и давало положительные результаты: появлялись дополнительные средства на материально-техническое оснащение и стимулирование работников библиотек технических вузов Западной Сибири. Но, тем не менее, сами услуги внедрялись с трудом, что было связано с различными факторами: необученностью кадров к продажам и работе на копировально-множительной технике, морально-психологическими барьерами, материальными затруднениями студентов и др.

Новым видом материально-технического оснащения в исследуемый период являлась автоматизация. В марте 1982 г. вышли «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г.». В данном документе признавалась насущно необходимой механизация и автоматизация библиотечно-библиографических процессов, внедрение автоматизированных ИПС и вычислительной техники в библиотечное дело. Отмечалось, что период с 1986 по 1990 г. должен стать «пятилеткой механизации и автоматизации» [12].

В Западной Сибири первые средства автоматизации и механизации в библиотеках технических вузов стали появляться только во второй половине 1980-х гг.

Например, библиотека АПИ работала в режиме автоматизированной библиотечно-информационной системы (АБИС) «Марк». В связи с внедрением АБИС в библиотеке появилась возможность создания базы данных для электронного каталога по культурно-просветительной работе [13].

В период исследования примером эффективного внедрения средств автоматизации и механизации

может служить библиотека НИИЖТ, где использовалась лаборатория печатно-множительных машин института. Так, в 1985 г. было скопировано 41798 карточек, а также для абонентов МБА — 520 с. [14].

Качественная работа при использовании средств автоматизации и механизации отражалась на эффективности деятельности всей библиотеки и, что очень важно, поощрялась. Например, в библиотеке СибАДИ в связи с бесперебойной работой вычислительной техники в 1989 г. были премированы работники библиотеки З. А. Глемба и Е. С. Снигирева [15].

Таким образом, к концу 1980-х — нач. 1990-х гг. отмечались сдвиги в материально-техническом обеспечении библиотек, создавались автоматизированные системы в ряде вузовских библиотек. Благодаря их внедрению в библиотеках вузов Западной Сибири повышался уровень культурно-просветительной работы по обслуживанию читателей. Но, тем не менее, в силу нехватки денежных средств внедрение автоматизации и механизации было затруднено.

Библиографический список

1. Положение о библиотечном деле в СССР. Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 марта 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1984. — № 12. — Ст. 173.
2. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 1219. Л. 194.
3. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-255. Оп. 4. Д. 4130 Л. 230.
4. Внимание: библиотека / Автодорожник. — № 41 (792). — 19 декабря 1989 г. — С. 1.
5. ЦХАФ АК. Ф. Р-255. Оп. 4. Д. 2964. Л. 3.
6. ЦХАФ АК. Ф. Р-255. Оп. 4. Д. 4126. Л. 1.
7. Примерный перечень платных услуг, предоставляемых населению учреждениями культуры и искусства [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/2845 (дата обращения 12.08.2013).
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 3196. Л. 5.
9. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. 2182. Оп. 2. Д. 1454. Л. 110.
10. ЦХАФ АК. Ф. Р-255. Оп. 4. Д. 2750. Л. 4, 25; Д. 2970. Л. 104.
11. ГАКО. Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 3078. Л. 23.
12. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в СССР / К. И. Абрамов. В 2 ч. Ч. 2. — М.: Книга, 2001. — С. 115.
13. ЦХАФ АК. Ф. Р-255. Оп. 4. Д. 4286 Л. 2.
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 2017. Л. 62.
15. ГИАОО. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1777. Л. 13—15.

ГЛАЗУНОВА Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: tanj-gl@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2013 г.

© Т. В. Глазунова

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В УКРАИНСКОЙ ССР (НАЧАЛО 1970-х—СЕРЕДИНА 1980-х гг.)

Исследовано развитие экологической политики советских властных структур на территории Украинской ССР в начале 1970-х—середине 1980-х годов. Установлено, что в этот период политическая концепция решения нарастающих проблем по охране природы начала развиваться несколько быстрее по сравнению с предыдущими годами. Однако в условиях тоталитарного режима все принятые решения и мероприятия носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, количество постановлений увеличивалось, с другой — желаемого результата принятые меры не давали, а то и вообще оставались на бумаге.

Ключевые слова: государственная политика, экология, охрана природы, УССР, Государственный комитет.

Охрана природы — глобальная и неотложная задача современности. Важную роль в сохранении природной среды играет государственная политика в этой сфере, деятельность интеллигенции и природные заповедники — природоохранные учреждения, которые призваны сохранять в первоначальном состоянии типичные и уникальные природные комплексы со всей совокупностью их компонентов. В историко-гуманитарных исследованиях природный фактор традиционно недооценивался в структуре внутренне присущих обществу процессов.

На сегодняшний день Украина является одной из наиболее неблагоприятных в экологическом отношении стран мира, территория, которой еще в августе 1990 года была объявлена Верховным Советом УССР зоной экологического бедствия. Анализ важнейшего спектра проблем позволит выяснить технологические недостатки и нововведения советского периода истории Украины.

В историографии сегодня отсутствует исследование, посвященное истории становления и развития государственной экологической политики как научной основы управления взаимодействия современного общества и природы. Ученые практически не начинали исследовать такое важное направление. Однако элементы такого анализа существуют в ряде исследований. В частности С. И. Васюта в своем труде «Советский экоцид в Украине: исторические истоки, трудности преодоления» (2000) и в соавторстве с А. А. Васюта и Г. Г. Филипчуком «Экология и политика» (1998) пытался показать генезис кризисного состояния природной среды Украины, исследования В. Е. Борейко «История охраны природы Украины (X век — 1980 г.)» (2001).

Целью данной статьи является анализ деятельности центральных и местных органов власти и эффективности принятых мер в экологической сфере в начале 1970-х — середине 1980-х годов.

Начиная с 1970-х годов политическая концепция решения нарастающих экологических проблем в связи с реальными проявлениями негативного техногенного воздействия начала развиваться значительно быстрее, чем на предыдущих этапах социально-экономического развития.

Начало этому процессу положили ряд принятых в 1972—1973 гг. партийно-государственных постановлений союзного и республиканского уровней (постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» [1, с. 191—195, 2, л. 152], постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшения использования природных ресурсов» [1, с. 196—210] и аналогичные постановления ЦК КПУ и Совета министров СССР, принятые в апреле-мае 1973 г. [3, л. 46]), где просматривались качественно новые подходы к формированию и реализации экологической политики, попытки контролировать состояние окружающей среды и проводить широкий комплекс работ по некоторым направлениям охраны окружающей среды.

Начиная с 1974 г. была определена система мер для ряда министерств и ведомств, направленная на уменьшение вредного техногенного воздействия на окружающую среду, подчеркивалась необходимость преподавания основ естествознания, рационального использования и защиты окружающей среды во всех учебных заведениях, широкого информирования населения о состоянии и охране окружающей среды.

Вместе с тем ориентирована исключительно на административно-командные методы реализации, природоохранная политика советского периода подкреплялась стимулирующими механизмами и средствами экономико-налогового характера. В этот период природоохранные мероприятия носили дополнительный характер по отношению к хозяйственной деятельности, а последняя рассматривалась достаточно изолированно, с безусловным приоритетом [4, с. 23]. Поэтому на практике нередко оборачивались простой заорганизованность, оставались формальным, пустым политическим фразеологизмом, что очень слабо влияли на улучшение экологического состояния Украины. Тем более что Государственный комитет по охране природы не построил своей организационной структуры на местах, в частности в районах, а областные инспекции

физически не в состоянии проконтролировать выполнение природного законодательства [5, л. 8]. В то же время другие министерства и ведомства, равно как государственные предприятия, нередко игнорировали экологический фактор в своей деятельности. Вследствие этого экологическая ситуация в Украине продолжала ухудшаться, набирая по сравнению с периодом 1950 — 1960-х гг. качественно новые черты и сложности.

В 1973 — 1974 гг. в Украине активизировалось создание пунктов контроля над состоянием окружающей среды. В частности, в то время в 20 городах уже осуществлялось наблюдение за загрязнением воздушного бассейна — в Мариуполе, Запорожье, Донецке и др. Вместе с тем Гидрометеослужба УССР и в 1975 году еще не организовала контроль над состоянием воздуха в Краматорске, Сумах, Макеевке, Северодонецке и ряде других городов с высоким уровнем загрязнения воздуха. Поэтому можно сказать, что такая система практически не функционировала. В частности, статистическая отчетность о загрязнении воздушного бассейна в Украине до 1976 г. не обрабатывалась и не обобщалась. Таким образом, обеспечивалась одна из основных предпосылок формирования природоохранной политики — сбор и обработка соответствующих данных о состоянии окружающей среды и мерах, проводимых по его охране от загрязнений [6, с. 185].

Начиная с конца 1970-х годов принятые меры по совершенствованию природоохранной политики стали более действенными [7, с. 104]. На проведение соответствующей политики ориентировали постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 января 1976 «О мерах по предотвращению загрязнения Черного и Азовского морей», от 1 апреля 1976 «Мероприятия по предотвращению загрязнения реки Северский Донец, подземных вод и воздушного бассейна в районе города Лисичанска и др.». [8, л. 2] и от 10 мая 1977 «О мерах по усилению охраны и улучшения использования природных ресурсов Донбасса» [9, л. 64].

Однако выполнение постановления по предотвращению загрязнения акватории Черного и Азовского морей, как показали последующие несколько лет, саботировалось со стороны предприятий Минхимпрома и Минудобрений. В частности, не останавливался выброс загрязняющих стоков Рубежанским производственным объединением «Хрусталь», Лисичанским содовым заводом, Сакским химзаводом Минхимпрома и Констанивським химзаводом, принадлежавшим Минудобрений. Особенно сложная ситуация наблюдалась в Северном Крыму, где были расположены предприятия химической промышленности: Перекопский бромный завод, Крымский содовый завод, Крымское производственное объединение «Титан», также Сивашский красочный завод. Ими ежегодно, похоже, в водоемы Черного и Азовского моря сбрасывались 17 млн м³ сточных вод, в том числе 8,6 млн м³ загрязненных, что составляло 11 % от выбросов загрязненных вод Крыма. В среднем ежегодно в воды республики, похоже, 1400000000 м³ загрязненных сточных вод [10, л. 102].

Правительственное постановление об усилении охраны природы на Донбассе тоже в значительной степени саботировалось как со стороны профильных министерств, так и отдельных предприятий и шахт. В течение 1977 — 1980 гг. не было построено запланированных очистных сооружений для Первомайской группы шахт мощностью 15 тыс. м³ сточных вод в сутки, а также не было возведено до 1980 года

деминерализационное учреждение. Финансирование этих проектов не проводилось должным образом, и средств выделяемых не хватало [9, л. 64 — 67]. Подобная ситуация была и в других крупных промышленных центрах УССР — Днепропетровске, Лисичанске, Запорожье, Кривом Роге и т.д. [10, л. 62].

20 июня 1977 г. было принято постановление Совета министров СССР «О мерах по защите воздушного бассейна от загрязнения вредными выбросами промышленных предприятий и автотранспорта», в котором был начертан комплексный план мероприятий по ликвидации и противодействию особо вредных загрязнений атмосферы в промышленно развитых городах УССР. Крупнейшими источниками загрязнения здесь оставались предприятия черной металлургии, энергетики, промышленности строительных материалов [11, л. 30].

За период 1971 — 1975 гг. расходы на природоохранную сферу в УССР составили 2,1 млрд руб., что вдвое больше по сравнению с 1966 — 1970 гг. [12 л. 107]. Так, в государственный план развития народного хозяйства начали включать специальный раздел по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Вместе с тем экологические вопросы в их традиционной природоохранной постановке продолжали оставаться предметом незначительного внимания со стороны властных партийно-государственных структур. Некоторые из принятых ими документов стали важными в структуре экологической политики административно-командной системы. В частности, задачам охраны природы были посвящены отдельные статьи Конституции УССР, принятой 20 апреля 1978 г. на VII внеочередной сессии Верховного Совета республики [13, с. 8, 10, 20], принятые в Украине кодексы Земельный (1970), Водный (1972), О недрах (1976), Лесной (1979), Законы об охране атмосферного воздуха и об охране и использовании животного мира (1981). Однако политической декларативностью было завуалировано отсутствие реальных действенных экономических механизмов и государственной воли внедрения экологической политики. В 1977 г. в составе Госкомитета УССР по охране природы начала действовать Государственная инспекция по экологической экспертизе проектов. На нее, в частности, возлагалась задача рассмотрения проектов предприятий и сооружений, строящихся или реконструируемых с целью предотвращения негативного воздействия на окружающую среду [14, л. 7].

Определенную роль в улучшении проведения экологической политики в Украине сыграла VIII сессия Верховного Совета Украинской ССР девятого созыва, состоявшаяся в июле 1978 г. Она приняла соответствующее постановление «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению природоохранной работы в республике», которое предусматривало усиление государственного контроля над проведением работ по охране природы [1, с. 17]. Подчеркивалась необходимость обеспечения во всех отраслях хозяйства сочетаний достижений научно-технического прогресса с бережным отношением к природе и ее ресурсам.

В 1980 г. был принят ряд постановлений Совета министров УССР в сфере охраны природы: 17 апреля — «О состоянии выполнения решений партии и руководства по усилению охраны природы», 20 июня — «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс УССР по вопросам рационального природопользования», 10 ноября — «Об усилении охраны малых рек от загрязнения и рацио-

нального использования водных ресурсов» и ряд других» [15, л. 9].

Несмотря на целый ряд принятых законодательных актов и партийно-государственных постановлений различного уровня, направленных на усиление охраны природы, рост материальных, трудовых и финансовых затрат в эту сферу, состояние окружающей среды в Украине в начале 1980-х годов продолжал ухудшаться. Так, например, в 1982 году загрязнение воздуха превышало допустимые нормы в 7–18 раз, а 40 % газоочистных установок работало неэффективно [16, л. 291].

5 марта 1982 г. Совет министров СССР издал поручение о расширении прав комитетов союзных республик по охране природы. В частности, отныне Государственные комитеты имели полномочия: проверять в организациях, предприятиях, учреждениях, независимо от их ведомственного подчинения, выполнение мероприятий по охране природы и выдавать им приказы об устранении недостатков; запретить или приостановить осуществление эксплуатации производственных объектов промышленности, транспорта и сельского хозяйства, деятельность которых нарушает установленные нормы и правила в сфере охраны природы; проводить экологическую экспертизу проектов на строительство объектов и сооружений; привлекать к административной ответственности виновников нарушения правил охраны природы без обращения в административные комиссии; заслушивать отчеты руководителей министерств и ведомств, предприятий, учреждений и организаций.

Повышение требований и увеличение полномочий Государственного комитета потребовало увеличения его аппарата. По состоянию на 1 января 1984 г. в составе Государственного комитета насчитывалось 56 штатных сотрудников во главе с Д. Проценко и коллегия из 5 человек. Кроме этого, в каждой области существовали областные государственные инспекции по охране природы, состоявшие из 4-х человек, которые отвечали за водные ресурсы, леса и растительные ресурсы земли, за атмосферный воздух, а также заповедники и охрану животного мира, экологическую экспертизу проектов, научно-технические проблемы природопользования и пропаганду экологических знаний. Этого было явно недостаточно для выполнения Государственным комитетом всех возложенных на него задач в сфере охраны природы. Согласно совместному постановлению ЦК КПУ и Совета министров УССР от 11 августа 1981 года, в его компетенцию также входила разработка проектов и планов по организации природоохранных территорий, защита животных, а также контроль над ходом выполнения планов, подготовка отчетов, информации и вопросов, требующих решений высшего партийного и государственного руководства. Кроме этого, существенно вырос вес и задачи Государственного комитета в связи с избранием в 1980 году Украины в Совет руководящих государств ЮНЕП ООН и активизацией природоохранной политики Советского Союза после образования в 1981 году комиссии Президиума Совета министров СССР по охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов [10, л. 32–34].

28 апреля 1982 г. Совет министров УССР принял десятилетний план комплексного развития зеленых городов и поселков республики в 1989–1990 гг., предусматривающий системные меры по улучшению экологической ситуации в городах путем раз-

вития сети городских парков и посадок деревьев [17, л. 49].

В мае 1982 г. Государственный комитет по охране природы, управления ГАИ МВД УССР и УТОП организовали по всей республике операцию «Чистый воздух», по результатам которой было выявлено 23 тыс. транспортных средств с повышенным содержанием окиси углерода, в том числе более 8 тыс. частных автомобилей. Одновременно было обнаружено, что только в 1,1 тыс. автохозяйств, или в 19 % проверенных были оснащены газ-катализаторами контрольно-регулирующие пункты по проверке состава углекислого газа. А на 42 % автопредприятий вопросы охраны экологии вообще не планировались. С целью устранения недостатков были выданы предложения руководителям 2 тыс. 44 автотранспортных предприятий, 210 были лишены премиальной оплаты, 2 тыс. 310 чел. подвергнуто административному наказанию, а 8 тыс. получили предупреждение [18, л. 175, 19, л. 35].

Именно поэтому в этой сфере продолжали доминировать узковедомственные интересы, что нередко приводило к росту действующих или введению новых объектов без наращивания мощностей очистных или защитных сооружений. Капитальные вложения использовались не полностью или не по назначению, большое количество природоохранных сооружений на предприятиях было неисправным или работало с низкой эффективностью. Существующее в то время природоохранное законодательство не имело детально разработанных подзаконных актов, что значительно ограничивало и без того половинчатое применения достаточно лояльных административных или иных санкций к нарушителям существующих правил и норм. В 1984 году Совет министров СССР издал несколько следующих постановлений в сфере охраны природы: «О дополнительных мерах по усилению контроля за применением в народном хозяйстве пестицидов и стимуляторов роста растений с целью недопущения вредного влияния на здоровье населения» (2 апреля 1984 г.), «О создании государственной специализированной службы по ликвидации разлива нефти и нефтепродуктов в море» (3 июня 1984 г.), «О дополнительных мерах по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха городов и других промышленных центров» (6 декабря 1984) [20, л. 100, 327, 21, л. 23].

В 1985 г. в ходе проведения очередной операции «Чистый воздух» был осуществлен 3421 рейд на 5099 автопредприятиях, по результатам чего проверено более 186 тыс. транспортных средств, временно запрещена эксплуатация более 16 тыс. автомобилей, отработанные газы которых не соответствовали требованиям Госстандарта. Благодаря этой операции удалось уменьшить выбросы в атмосферу в 12 областях и более чем в 30 городах СССР [21, л. 58].

В целом к середине 1980-х в СССР сложилась система государственных органов, на которые были возложены функции осуществления контроля над рациональным использованием природных ресурсов: Государственный комитет охраны природы УССР, Госагропром, Минводхоз, Минлесхоз УССР, Украинское республиканское управление по контролю над природной средой.

Итак, учитывая все принятые меры советского руководства, можно сделать вывод о том, что на официальном государственном уровне сфера экологии теоретически рассматривалась как форма деятельности, основанной на всестороннем изучении партийной экологической обстановки. На самом деле

формирование идейно-теоретических основ экологической политики главным образом зависело от компетенции и заинтересованности в ее развитии партийного аппарата и его отдельных чиновников. Таким образом, объективно возрастающее значение экологической политики и ее реализация в условиях административно-командной системы оказались в подавляющей зависимости от субъективного фактора развития. Поэтому очень часто те или иные выдвинутые природоохранные проекты не подкреплялись глубокими теоретическими выводами, а рекомендации ученых, если они не соответствовали заидеологизированным представлениям партаппарата об их целесообразности, отвергались и не принимались во внимание.

Гонка вооружений тяжелым игом ложилась на советскую экономику, снижая жизненный уровень общества и непосредственно воздействуя на природную среду, приводила к деградации биосферы, поглощая огромное количество ресурсов. Реалии ядерно-космической эры требовали, чтобы народы признали себя в качестве единой семьи планеты Земля, чтобы преодолеть техногенные вызовы для выживания вида *Homo sapiens*. Даже мирное использование ядерного оружия таило в себе большую опасность для человечества и окружающей среды, о чем свидетельствуют последствия аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года.

Библиографический список

1. Об охране окружающей среды : сборник документов партии и правительства. 1917–1985 гг. — М. : Политиздат, 1986. — 415 с.

2. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.221.
3. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.265.
4. Тихонова, Н. Е. Решение экологических проблем в СССР: история и современность / Н. Е. Тихонова. — М. : Знание, 1989. — 31 с.
5. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр. 335.
6. Васюта, О. А. Екологія і політика. У 2 т. Т. 1 / О. А. Васюта, С. І. Васюта, Г. Г. Філіпчук. — Чернівці : Зелена Буковина, 1998. — 480 с.
7. Алексієвць, М. О. Екологічний рух в Україні / М. О. Алексієвць. — Тернопіль : Лілея, 1999. — 267с.
8. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр. 399.
9. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр. 476.
10. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр. 491.
11. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр. 417.
12. ЦДАВО України. Ф. 4698. Оп. 1. Спр. 392.
13. Конституція (Основний Закон) СРСР. — К. : Політвидав України. 1982. — С. 8, 10, 20.
14. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.402.
15. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.438.
16. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.457.
17. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.522.
18. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.472.
19. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.485.
20. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.488.
21. ЦДАВО України. Ф. 4778. Оп. 1. Спр.521.

ПАГИРЯ Альбина Владимировна, аспирантка кафедры новейшей истории Украины исторического факультета.

Адрес для переписки: 2331533@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2013 г.

© А. В. Пагиря

Информация

Конкурс на получение стипендии «Коперник» для обучения во Франции в 2014–2015 году

На сайте стипендиатов правительства Франции сообщается о приеме заявок для участия в конкурсе программы «Коперник». Программа, предусматривающая обучение по курсу менеджмента во французских вузах, разработана для молодых экономистов, юристов и инженеров, владеющих французским языком, из стран Центральной и Восточной Европы.

Срок обучения по программе с 1 октября 2014 г. до 30 сентября 2015 г.

Заявки на участие в программе принимаются до 2 марта 2014 г.

Требования к кандидату

- наличие диплома инженера, юриста или экономиста, соответствующего четырем или пяти годам обучения в вузе, полученного не позднее июня текущего года
- наличие российского гражданства и проживание на территории России
- свободное владение французским языком
- возраст до 30 лет
- стипендия французского правительства никогда ранее не предоставлялась.

Претендовать на стипендию могут также лица, имеющие диплом о высшем образовании по другим специальностям при наличии трехлетнего и более опыта работы на предприятии.

Участники программы получают статус стипендиатов правительства Франции, помощь в получении бесплатной визы, ежемесячную стипендию в размере около 760 евро в течение 12 месяцев, гарантированное бронирование жилья во Франции.

Список документов, которые необходимо предоставить для участия в конкурсном отборе:

- два рекомендательных письма (на французском или на английском языке)
- резюме
- мотивационное письмо
- заверенные нотариально или российским вузом копии российского диплома о высшем образовании и зачетной книжки и заверенный перевод.

Объявление конкурса на сайте <http://bgfrussie.ru/Session/default.aspx?id=63&lng=ru>

Источник: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/265/235567.php (дата обращения: 10.01.2014)